дуб. 380.

Вечерний выпуск.

БАКИНСКИЙ **РАБОЧИЙ**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНА НОМЕРА 500 т. р.

«БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ» ВПЕРВЫЕ ВЫШЕЛ В АПРЕЛЕ 1906 Г. И ИЗДАВАЛСЯ БАКИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ Р. С.-Д. Р. П.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Основана С. Г. Шаумяном и П. Джапаридзе (Алешей).

№ 211 (643)

№ 211 (643)

Рукописи никому не возвращаются, и в переговоры о них редакция ни с кем не входит

Редактор принимает от 12 до 1 ч. дня

Орган Центрального и Бакинского Комитетов Азербайджан. Коммунистич. партии, Азцика и Баксовета.

Редакция: Милютинская, 4 3-й этаж. Прием рукописей от 9 до 2-х ч. дня. Общ. тел. редакции 38—87, редактора 3—08.

Среда, 20 сентября 1922 г.

Контора: Милютинск. уг. Меркурьевск. 1 эт. Прием об'явлений и подписки от 9 до 2 час. Тел. конторы 9—64, типограф. 6—91 и 5—12.

26

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Степан Георгиевич Шаумян.

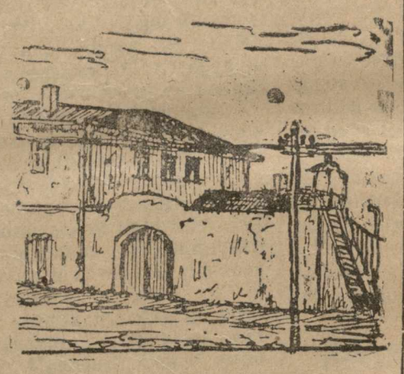
1878 г. — 1918 г.

Убит агентами английского правительства и членами партии правых эс-эр 20-го сентября 1918 г. между ст. Перевал и Ахча-Куйма (Закаспий).

Как их убили.

(По обследованию и зарисовкам нашего специального корреспондента т. П. С. Чичканова).

Оторвался берег и, с неумолимой неизбежностью, стал уходить все дальше, закутываясь постепенно, с каждым поворотом винта, в густеющую пелену... Уже намеком—выступ Баилова мыса, а глаза все еще неустанно приковываются к одной, теперь невидимой, точке на мысе: Баиловской тюрьме.



Баиловская тюрьма.

От нее, этой страшной точки, началась Голгофа двадцати шести, проведя несмываемую борозду по грязно-зеленым водам Каспия к Красноводску и, через него, по мертвой, желто-серой степи Средней Азии, взметнулась на завершающий ее последний предел: пустынные холмы 207 версты.

Все дальше и дальше...

Ночью бодро стучала, средь яростного шипенья вод, машина и чудилось, что на затерявшейся грани пенистых гребней с небом темным силуэтом летит **тот** пароход, на палубе которого бунтом решался роковой вопрос—куда идти—в Астрахань или в Красноводск... Сцеплением обстоятельств вопрос решен был в пользу Красноводска и в тот же момент решена была смерть «26»...

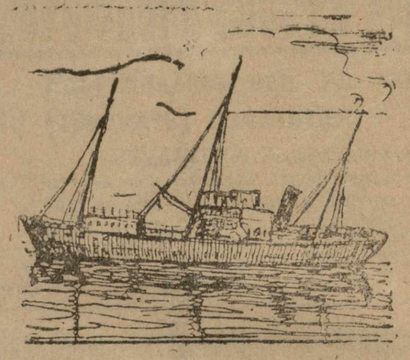
После того, как Татос Амиров, комендант «Туркмена», дал капитану письменный приказ о направлении парохода на Астрахань, капитан согласился и отдал с своей стороны о перемене курса. Когда это обстоятельство стало известно на пароходе, беженцы, севшие на него в Баку, заволновались, запротестовали и команда, особенно один помощник машиниста, стал агитировать среди команды, чтобы она не подчинялась капитану. Тем временем среди беженцев, из которых многие были вооружены, вел ту же агитацию один солдат и ад'ютант Амирова.

Результаты агитации немедленно сказались.

Вся масса беженцев восстала, подняв форменный бунт, который грозил перейти в кровавую расправу с комиссарами.

Команда с своей стороны заявила, что до Астрахани не хватит ни воды, ни топлива.

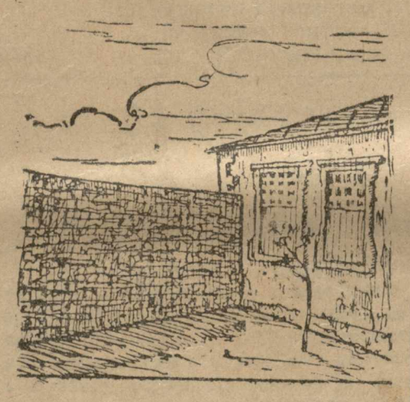
Пришлось уступить и направить «Туркмен» в ближайший порт—Красноводск *).



Пароход «Туркмен».

К полудню вычертилось плоскогорье **того** берега и грязная окраска вод сменилась ласковым изумрудом зелени. А немного позже, на фоне серо-желто-красноватого плоскогорья, наметились домики Красноводска

Мы на пристани.



Исправдом в гор. Красноводске.

Четыре года тому назад, в сентябре, ясном и солнечном, 17-го, в понедельник, в эти же часы прибыл из Баку «Туркмен» с **ними**, двадцатью шестью.

Он увозил их от Диктатуры Центрокаспия, той Диктатуры, что арестовала их в августе 16—18 и бросила в Баиловскую тюрьму. А оттуда **«освободила»** так, что их коснулись руки Исполнительного Комитета Закаспийской области, творившего волю англичан.

С «Туркмена», в этот желтый дом...

К «Туркмену» подошел баркас «Бургас» с представителями Красноводского стачкома. При переговорах с капитаном стачком узнал, что на борту судна находятся большевистские комиссары, после этого «Туркмен» приказали отвести на рейд в Уфр, якобы, для осмотра больных. А вскоре на судно явились, в сопровождении отряда милиции и солдат Кун, начальник милиции Алания, Домашнев, Добронравов и другие. На площадке пристани поставлены были орудия и пулеметы. Пассажирам «Туркмена» предложено было сдать имеющееся у них оружие, так как на судне находилась часть отряда Амирова.

А после сдачи начался унизительный издевательский обыск мужчин и женщин. Заставляли раздеваться до гола. Искали не только в вещах, но и в волосах, в складках одежд, срывали у сапог стельки и подошвы. Все ценное, особенно деньги, отбирались... После обыска Шаумян, Карганов, Петров и Полухин арестовываются, остальные же отпускаются.

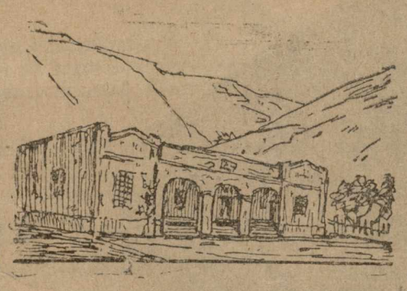
Но во время обыска у Карганова среди других бумаг был найден список с 27 фамилиями—комиссаров, сидевших в Баиловской тюрьме.

Список на довольствие.

И на основании этого списка Кун обвинил их в побеге из тюрьмы и распорядился об аресте всех. На протесты и об'яснения т.т., что они не бежали из тюрьмы, а отпущены и если не имеют бумаг от чрезвычайной комиссии, то только потому, что в момент сдачи города комиссия вместе с другими учреждениями бежала в Петровск.

Они требовали дать им возможность говорить по радиотелеграфу с Петровском. Шаумян даже набросал текст радио на имя Диктатуры на клочке бумаги. От него приняли эту бумагу, но как оказалось потом, это заявление Кун в Петровск не передал... Перекличкой по списку стали вызывать комиссаров, а вместе с тем и их жен, т. к. они обвинялись в том, что способствовали бегству своих мужей из тюрьмы.

17 человек—среди них Степан Шаумян, А. Джапаридзе и Ваня Фиолетов, а также и их семьи были направлены в тюрьму, а остальные в исправительный дом...



Арестный дом в гор. Красноводске.

— Я к вам, товарищ, по делу «26»...

Короткая деловая беседа, ряд указаний и ссылка на товарищей, сидевших «в то время».

Нахожу т. А. Он в Горнарткоме.

— «Дел экстренных нет. Идемте. Это недалеко».

По дороге беседуем.

— «Когда их арестовали, я уже сидел в тюрьме. В другой камере. Их привели кажется 18 сентября. Постарался предложить свои услуги: там самовар поставить, или еще что. Нужно было проникнуть в камеру. Все время—дня полтора они были здесь—был около них. Мужественные, сильные люди.

Пришел в их камеру Кун. Высокий, здоровый. — Кто из вас главковерх? Нет главковерхов». — «Ну, тогда, кто — Шаумян?» «Я Шаумян,—ответил Степан, лежавший на нарах.—«Встать!»...—«Я и так могу разговаривать».—«Разве вы не знаете, с кем вы говорите:—я—Кун»...

Никто не поднялся...

— «Предполагали ли они об ожидавшей их участи?»

— «Не предполагали, а знали точно. Когда они прибыли в тюрьму, мы все были уверены, что им смерти не избежать. И я, видя их мужество, сразу же сказал им это».

— «А они?»

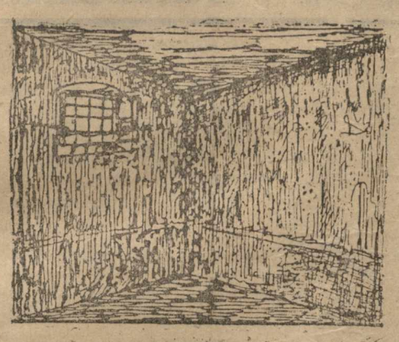
— «Встретили совершенно спокойно».

Входим в тюремный двор. Пустынный четыреугольник с неизбежным фонарем. Под окнами камеры «17-ти»—чахлое, зеленеющее деревцо.

Подымаемся по ступеням и, в сопровождении начальника арестного дома, идем узким коридором к самому концу небольшого здания.

Вот и последняя камера. Влево по коридору. Гремит засов, открывается дверь и мы входим.

Квадратная, не более шести аршин, с двумя небольшими зарешеченными окнами. Асфальтовый пол.



Камера «17-ти».

— «Здесь почти бе перемен. Нет только нар. Видите белую полосу на стенках: на этой высоте кругом камеры шли нары»...

Выходим. По пути подводят меня к другой камере, маленькой, с одним окном.

— «Здесь сидели женщины»...

— «Ночью на 20-ое сентября, в сопровождении отряда, к арестованным явились: Кун, Алания, Яковлев и др. и заявили, что всех, кроме женщин, отправят сейчас в Асхабад. Была полночь. В это время поезда обычно не отходили. По поведению стражи, из мимолетных разговоров, из недомолвок в ответах членов Красноводского Исполкома, арестованные инстинктивно почувствовали какую то опасность, какую-то угрозу. Женщинам не дали даже возможности проститься ни с их мужьями, ни с их товарищами,—начальство, видимо, спешило. Группами в 2—3 человека, окружив стражей, их стали уводить из арестного дома на вокзал. Из этого желтого дома было уведено 17 человек и среди них: Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов, Зевин, Карганов, Петров, Азизбеков, Полухин, А. Богданов, Везиров и Габышев»... *).

Теперь на вокзал. Поезд пойдет только утром. Ждать еще целую ночь. В голове намечается, в виду полученных сведений, новый план дальнейшей поездки. Мне никто не мог указать точно, где именно произошло **это.**

На 207 версте. Около Ахча-Куйма. Между станцией Перевал и Ахча-Куйма. Пространство в 15 верст. Как найти? Где следует остановиться, чтобы начать свои дальнейшие поиски? Промелькнувшее в нашей газете известие о том, что на месте расстрела устроен раз'езд, не соответствует действительности. Был когда то раз'езд, но давно упразднен и ныне поезда проходят пространство от Перевала до Ахча-Куйма без остановки. Получаю совет: попросить машиниста замедлить на 207 версте ход поезда и на ходу соскочить. Останавливаюсь на этом совете и приспособляю к выполнению его свой багаж.

Раннее утро, серое, ветренное. Поезд нерешительно рванулся с места и медленно пополз вперед.

Исчезает море, справа и слева вдали вырастают плоские гребни гор. И от хребта до хребта разбегаются лишь песок, солончаки, да саксаул—чахлая растительность этой печальной степи.

Поезд ползет все вперед и вперед.

Всматриваюсь в темнеющую степь: 190 верста уже. Скоро. Надо решать. И в последнее мгновенье решаю остановиться на ст. Перевал.

Солнце опускалось за горный кряж и розоватым холодом одевало песчаные холмы. Откуда-то подул резкий, холодный ветер и на сине-зеленоватом небе вычеканились дождевые.

Поезд [illegible] лентой скрылся вдали, а я остался на станции Перевал среди двух русских и нескольких рабочих—туркменов.

Гостеприимно встретил меня дорожный мастер тов. П., предоставивший не только свой кров, но и все, что мог, вплоть до постели. Давно не видавшие «свежих» людей, они набросились на меня с расспросами.

И в первую очередь—что привело меня к ним?

Даю исчерпывающий ответ:

— «Так, так... Приезжали сюда, одно время, разные люди... Помню как перевозили останки расстрелянных назад в Баку».

Постепенно беседа приняла систематический характер и на мое счастье тов. П. оказался служащим на этой станции уже 12 лет. Больше того—он втянут был случайно в трагедию «26»: слыхал утром 20-го выстрелы, а на утро по приглашению сторожа из будки ближайшей к месту расстрела был на месте расстрела...

— «Так, на заре, часов в 5 или немного позже, слышу глухие залпы. Доносятся со стороны Ахча-Куйма—должно недалеко. Ну, стреляют—стреляют. А в чем дело—невдомек. Наутро приходит к нам сторож из соседней будки и говорит: опять начинается война—вчера стреляли в версте от меня. А может кого и убили... Пойдем, ребята, посмотрим. Мы сейчас это вагонетку и айда. Под'езжаем по линии к одному месту, около телеграфного столба № 118 и видим: по бугру то много свежих следов. Мы по этим следам. Поднялись на бугор. Следы дальше. Мы по ним. И вот: под одним кустом сложены завернутые в газеты чай, сахар и хлеб. А немного подальше, тоже под кустами, целая груда оружейных и револьверных гильз. А внизу—бугром наваленный песок. Был глубокий перевал, так вот дно то его и заброшено песком. И тут же, недалеко,—обрывки одежды, пуговицы и ремни. Ну мы и решили, что кого то убили обманным путем: иначе зачем же было выносить с собою хлеб и чай. А потом сообразили: 19-го сентября шел специальный поезд из Кизил-Арватских мастерских в составе тюремного вагона, классного и двух или трех теплушек в Красноводск. По линии же дано было сообщение, что пройдет из Красноводска поезд особого назначения, остановится на раз'езде, побудет там часа два и отправится дальше в Кизил-Арват. Так вот, надо полагать, на этом то поезде кого-то привезли и убили. А потом, позже, пошел слух, что расстреляли бакинских комиссаров.

— «А разве можно было предполагать, что именно на этом поезде и были привезены из Красноводска комиссары?»

— Конечно, поезд этот шел как-то крадучись и всего боялся. Помню я, что 19 сентября, по пути в Красноводск, он остановился на нашей станции и забрал с собой меня и других рабочих, чтобы осмотреть путь дальше. Вишь, они получили откуда то сведения, что за Перевалом путь попорчен. Не доверяли никому и на паровозе с машинистом стоял сам Филатов—контрольщиком он был в Кизил-Арвате—такой маленький и весь в ремнях. Точно Кара какая-то. А по бокам у него по большому револьверу... А потом уже все говорили, что именно они и расстреляли комиссаров.

— «А не знаете, кто еще ехал с ними в виде заправил этого дела?»

— «Нет, не знаю. Всех не видел. Слыхал, что еще ехал Дмитрий, такой длинный и нахальный, а как его фамилия—не знаю. Так вот поехал я с ними и действительно в одном месте, у забора, поднялся немного костыль. Остановились. Костыль этот поставили на место. Поезд пошел дальше, а мы к себе на станцию.

— «Неужели никак нельзя было помешать этому делу. Или сразу же после расстрела донести кому следовало бы?»

— «Где там! Такой страх нагнали. Всем велено было молчать. На нашей станции начальник был вроде как большевик. Когда он получил потом «Асхабадку»—такая газета была,—а в ней напечатано, что все комиссары благополучно прибыли и должны ехать дальше, так этот начальник чуть не головой об стену бился:—таково ему обидно было, что ничего нельзя было сделать! Об одном он нас просил, чтобы мы засыпали чаще трупы: от тепла трупы стали пухнуть, а закопаны были не глубоко. И вот—то рука высовывалась, то нога. А по ночам в степи бегали «чикалки» (шакалы) и растаскивали части тел... Мы их засыпали... По долгу службы обязаны мы были сообщать обо всем, что случалось на нашем участке. Известили и об **этом** самом кого следует, а нам говорят: молчите.

Говорить то и впрямь было страшно.

Два сторожа из ближайшей к расстрелу будки позже куда-то исчезли. Потом оказались убитыми. Кто их убил—до сих пор неизвестно. Полагаем, что **«те»**, чтобы меньше свидетелей было.

А одного сторожа, так чуть было не расстреляли тогда же, на месте. Когда он услыхал выстрелы, то пошел по слуху.—Видит—стоит оцепленный охраною поезд. Он ближе. Тогда один туркмен, из их охраны, на него:—ты куда идешь. Сторож ему об'ясняет, что должен знать, что делается на его участке. Туркмен взял его на прицел. Ну, тут вмешался старший из них и сказал сторожу, что это не его дело и пусть он скорее уходить. Еле ушел».

— «Долго ли простоял поезд на том месте?»

— «Да часов до 10—11 простоял-таки».

— «Не слыхали ли, из кого состояла охрана?»

— «Были там и русские, были и туркмены. Они же и расстреливали. Винтовки у них были кавалерийского образца, такие маленькие».

— «Откуда вы это знаете?»

— «Да по оставшимся на месте расстрела гильзам»...

Беседа перешла на другие темы, а вскоре и совсем прекратилась: надо было ложиться спать—рано утром предстояла поездка к месту расстрела...

Утро пасмурное. Наскоро завтракаем. Вагонетка уже на рельсах. Грузим необходимые принадлежности и двигаемся в ручную—вперед. Нас всего шесть человек... и думаем сейчас все об одном...

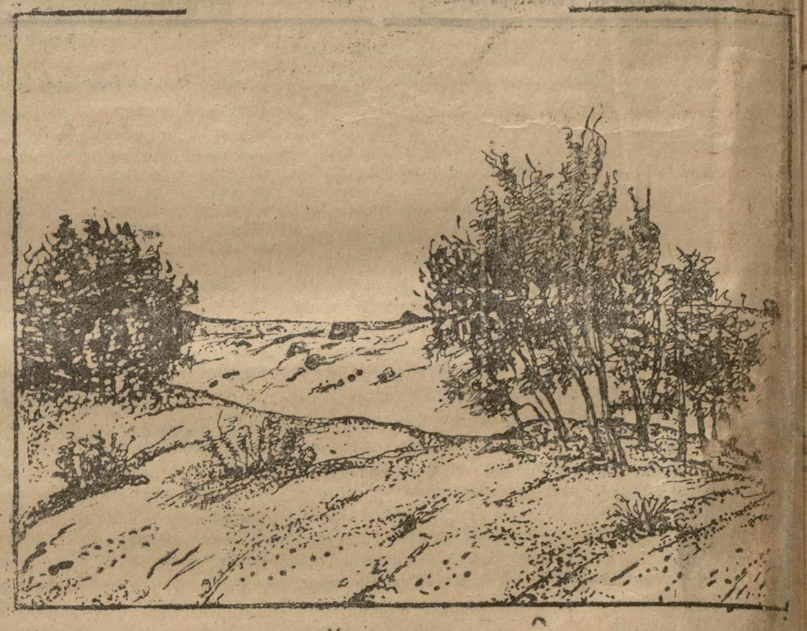
С каждой верстой высота песчаных холмов растет и растет...

— Теперь близко,—говорит мой провожатый.—Видите, вон, те холмы. Влево. Там.

Я впиваюсь в надвигающиеся серо-желтые холмы, ожившие под лучем солнца.

— «Стой».

Мы проехали 207-ую версту и два телеграфных столба—**значит, на 207 версте и 72 сажени...**



Место расстрела.

— «Здесь было зарыто 17 человек».

Это первая и третья группы. Вторая группа расстреляна была дальше от этого места. По показаниям, выведенная вторая группа, учитывая холмистость местности, бросилась бежать, расчитывая укрыться от выстрелов за буграми и уйти в степь. Но палачи не дали уйти своим жертвам. Дольше всех теплилась надежда уйти у одного. Кто он—неизвестно: ему удалось отбежать от общего места расстрела саженъ на сто. Там его и убили. Остальные бежавшие расстреляны ближе: в пяти—десяти саженях, группами по 2—3 человека...

— «Вот, как рассказывал сторож, здесь остановился поезд».

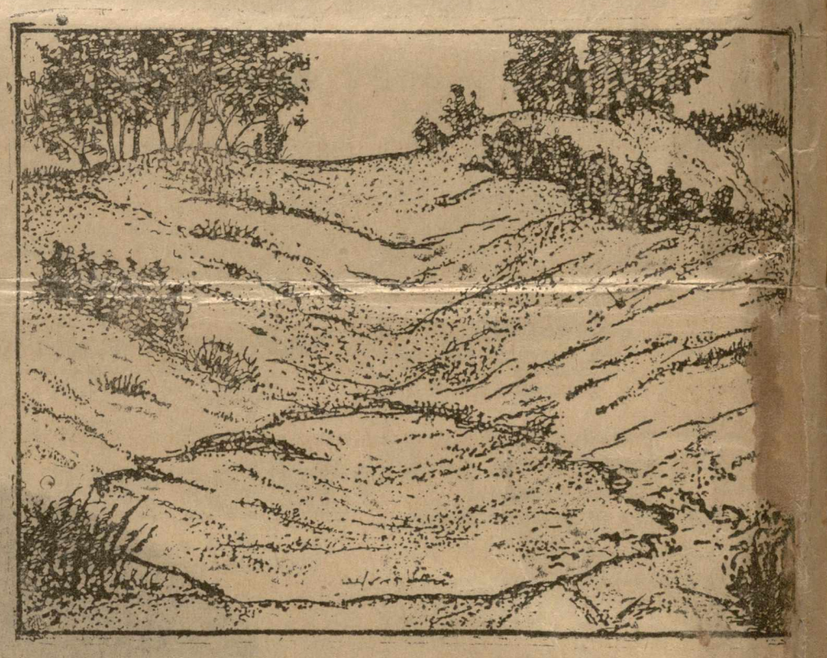
Наша вагонетка в этом месте снимается с рельс и все мы поднимаемся вверх по откосу насыпи. Я прошу место проводника идти по тому месту, где были **тогда** следы. Он идет, мы за ним, и на сыпучем песке что-то наметились наши следы.

— Так и тогда было. Шли следы и много вкось, а потом прямо.

— Шаг за шагом мы восстанавливаем мученический путь «26» и, наконец, мучительно останавливаемся у последней черты, у ребра перевала, на котором их выстраивали по 8—9 человек и расстреливали. Внизу яма—братская могила 17.

Знакомясь с местом смерти «26», приходится признать, что убийцы хорошо учли все преимущество этой бесконечно мертвой и молчаливой местности. Кругом холмы перекатывающихся песков—великая могила. Жилья никакого. Даже кочевники не зайдут сюда со стадами. И ко всему, место расстрела выбрано было в саженях 30 от линии железной дороги на высоте трех саженей над линией.

Молчаливо переходили мы от одного места к другому, воскрешая трагическое утро 20 сентября.



Могила «17-ти».

Спустились к общей могиле.

До сих пор еще ясно очертание краев могилы, а в некоторых выметенных ветром местах, мы нашли побелевшие кости. Поверхностно вокруг могилы мы стыскали отдельные фаланги пальцев, теменную кость, несколько позвонков, ребер, клочки волос (золотисто-рыжих и черных) и узкие клочки полуистлевших с темными следами от крови остатков носильного белья...

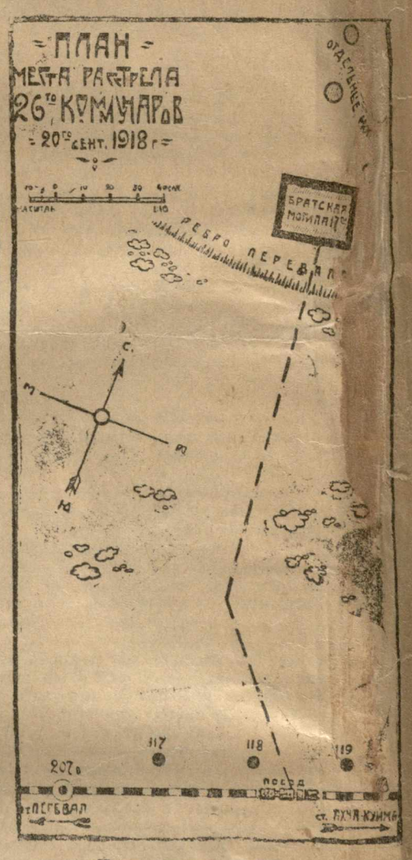
— «Почему остались эти кости здесь?»

— «Сюда приезжали из Баку за ними отрывать. Всех взять не могли—не нашли. А вот перебросился песок, ну и обнаружилось.

Вскоре после расстрела приезжал сюда **тот,** длинный Дмитрий, и все подбивал нас отрыть убитых и найти одного с золотыми зубами. Взять их. Да мы не соглашались... А чья-то голова—уже череп—так осталась до сих пор здесь. Песком ее засыпало»...

Собрали поверхностно лежавшие кости и зарыли в песок.

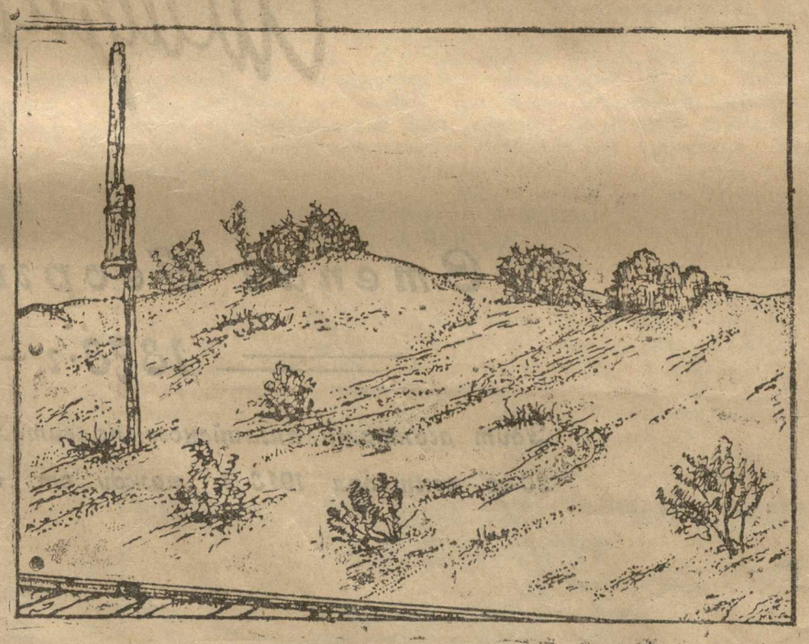
Долго сидели и думали, каждый о своем...



План места расстрела.

Безбрежный простор степи, обрамленный фиолетово-синими грядами гор, рождал в уме легенду о племени богатырей революции, неосиленных даже самою смертью...

А солнце поднималось выше и выше. Чахлый зеленый куст саксаула на месте расстрела, молчаливый свидетель—страж, мягко склонялся под ветром над братской могилой и о чем то величаво шелестел...



Телеграфный столб № 118.

*) «Казнь 26 бак. комиссаров, по рассказу их жен».

*) Казнь 26 бак. комиссаров, по рассказам их жен.

Светлой памяти.

С. Орджоникидзе.

Нам, близким друзьям, зверски замученных товарищей, даже на пятом году их гибели, трудно писать и говорить о тех, кто так сильно нужен нам в настоящее время и кого уж нет среди нас.

Закавказский пролетариат в лице погибших товарищей потерял лучших своих учителей, организаторов и руководителей.

Нет среди нас тяжелой артиллерии теоретического марксизма т. Степана Шаумяна.

Нет неутомимого, неисчерпаемой энергии организатора и практика, любимого всеми Алеши.

Нет рабочего вождя, гордости бакинского пролетариата Вани Фиолетова.

Нет преданного революционному делу освобождения мусульман Мешади-бека.

Нет всех «26», которые и в Закаспийских степях, расстреливаемые белогвардейскими бандами эс-эров, остались непоколебимо верными власти трудящихся.

Эс-эровские банды, расстреливая их под командой английских генералов, решили обезглавить трудящиеся массы Закавказья и главным образом, оплот Советской власти в Закавказьи и аванпост мировой революции на Ближнем Востоке, бакинский пролетариат.

Но контр-революция жестоко ошиблась, она убила их: Степана, Алешу, Мешади-бека, Ваню....., но забыла одно—как ни велика роль и значение погибших товарищей, неизмеримо выше роль и значение авангарда мировой революции на Востоке— Бакинского пролетариата. В его среде родились и Степан, и Алеша, его родной первенец Ваня Фиолетов. Бакинский пролетариат создал их. Он на минуту поколебался под ужасными ударами врагов, благодаря преступной деятельности меньше нитов и эс-эров и он жестоко поплатился. Как ни горько, как ни тяжело, а на пятом году это надо сказать, надо сказать хотя бы для того, чтобы сыны учились на ошибках отцов. Пролетариату комплиментов не надо. Убив вождей, революции не могла убить пролетариат. На второй же день он начинает продолжать свою великую борьбу и доводит ее до победы.

Четыре года их нет, но великая освободительная борьба Бакинского пролетариата не останавливалась ни на минуту. В дни шовинистического мракобесия в Закавказьи, когда все Закавказье было окутано человеконенавистничеством, когда с открытым забралом меньшевизм во главе со стариком Жордания стал авангардом, сначала германо-турецкого имериализма, а после англо-французского, а мусаватисты и дашнаки просто холуями их, когда казалось навсегда погибло былое единство трудящихся революционного Закавказья, только в мазутном царстве Баку ярко светил луч пролетарской солидарности.

Бакинский пролетариат с ненавистью, омерзением сбрасывает с себя гаденьких убийц «26»—Аллоло, Белуша, Садовского, Сако Саакяна. Он в продолжение двух лет господства мусаватистов, гордо держит в своих руках знамя погибших товарищей—вождей, следуя их заветам.

В дни смертельной опасности революции в России, он гордо выражал свою солидарность с борющимся Российским пролетариатом и ждал с нетерпением соединения с ним. Он в дни торжества Советской власти с энтузиазмом встречает на площади великих коммунаров освободительные полки рабоче-крестьянского правительства.

За два с половиной года существования Советской власти в Азербайджане он с неутомимой энергией работает для просвещения и организации азербайджанских крестьян. Он лучше всех с'умел утвердить и укрепить братский союз крестьян и рабочих в Азербайджане. Блестящим подтверждением этого миллион пудов хлеба азербайджанского трудового крестьянства для своей рабоче-крестьянской власти.

Бакинский пролетариат в Закавказьи является воспреемником и незыблемой стальной опорой Совецкой власти. Он страж национального мира и пролетарской солидарности на Кавказе. Он зорко следит выполняя свою роль часового пролетарской революции в Закавказьи и своим грозным окриком сдерживает тех или других спотыкающихся.

Как братская могила Степана, Алеши не знает ни армянина, ни грузина, ни татарина, ни еврея, так и Бакинский пролетариат не знает никакой национальной розни. Вожди Бакинского пролетариата как при жизни не знали и не различали трудящихся по национальности, так они, как бы демонстрируя великую идею межнационального мира и солидарности, все находят покой в одной могиле. Живые Степаны, Алеши, Вани Фиолетовы, Мешадибеки—это Бакинский пролетариат, который гордо продолжает выполнять заветы своих вождей.

Пусть же могила Степана, Алеши, Вани, Мешади-бека будет укором и проклятием для тех, кто хоть на секунду изменит этому великому делу национального мира и солидарности трудящихся масс в Закавказьи.

Пусть великий часовой великой пролетарской революции—Бакинский пролетариат будет разящим мечом для изменников.

Вечная память великим учителям!

Честь и слава их продолжателям—Бакинским пролетариям!

С. Орджоникидзе

Тифлис, 28 августа.

Каков будет ответ?

Нариман Нариманов.

Если бы 26 наших лучших товарищей пали непосредственно от рук дашнаков, мусаватистов или меньшевиков—эс-эров, это не так было бы тяжело, ибо в схватках за власть естественно бывают потери.

Гнуснее всего то, что представители этих партий предали наших товарищей английской жандармерии. Пошлее этого уже ничего не может быть. Никакая мало-мальски уважающая себя политическая партия не позволит себе такой мерзости.

А эти люди из приличного «демократического» общества, пошедшие на негодяйский шаг убийства из-за угла, и то чужими руками, продолжают именовать себя представителями политических партий, несмотря на такое позорное пятно, которое никогда не смоется с их предательских физиономий.

Среди нас в настоящий момент нет наших дорогих 26-ти товарищей, выхваченных из наших железных рядов агентами мирового капитала.

В борьбе с этим капиталом мы потеряли не 26 героев, а, быть может, 26 и больше сотен тысяч лучших своих бойцов.

Эти потери не напрасны.

Приближается грозный момент, момент гибели прогнившего буржуазного порядка и победы мировой пролетарской революции.

Тогда победивший мировой, в частности английский,—пролетариат, развернув страницы всякого рода дипломатических тайных «книг» и переписок из кроваво-мрачной эпохи владычества английского капитала в Закавказьи и на Востоке, остановится на выяснении причин гибели 26.

А эти страницы связаны с именами слуг английского империализма Тиг-Джонс, Маллесон-Томсона и их младших прислужников из «социалистических» партий, входящих, конечно же, во 2 и 2½ Интернационал. Английский пролетариат вместе с нами призовет последних к ответу.

Каков же будет ответ этих предателей перед судом мирового пролетариата и перед историей в этот роковой для них час? Что-же заставляло их заниматься бесконечным предательством?

Н. Нариманов

Основной завет.

А. Мясников.

Память 26 настойчиво твердит об одном — о самом главном для революционного рабочего движения. Это — тот действительный, настоящий, яркий и неприкрашенный интернационализм, которым охвачены были погибшие товарищи и ради которого они погибли.

Сегодня в Закавказьи понятие об интернационализме становится более действенным, ибо без него очень и очень трудно претворить в жизнь идея об'единения Закавказских трудящихся, братства народов Закавказья и достигнуть их культурного и материального преуспеяния.

Здесь мы не о словесном интернационализме говорим. Смешно и глупо склонять слово интернационализм, если игнорируешь ту обстановку, в которой находятся и должны развиваться народы Закавказья.

Вполне считаясь с их национальными способностями и давая им возможность развиваться на национальной почве, наша партия только при этих условиях может стать руководительницей широких трудящихся масс.

И действительно, проповедь и работа коммунистической партии в Закавказьи дадут плоды, если они будут вестись применительно к быту данного народа, будут сплетены, связаны и согласованы с опытом и с отдельными моментами жизни этого народа.

Национальное развитие народов Закавказья отнюдь не противоречит интернационализму: они друг друга дополняют и при диктатуре пролетариата интернационализм вырастает из условий национального развития народов, если только это развитие направляется по определенному руслу.

От национального развития народов нужно восходить к интернационалиому и к интернационализму, а не наоборот.

Кто этого не понимает, кто так не поступает, тот сходит с пути международной солидарности пролетариата и трудящихся.

К сожалению, мы и именно в Закавказьи, подчас грешим против этого.

Это одна из наших ошибок.

4 года тому назад погибшие 26 бакинских и закавказских коммунаров были далеки от этой ошибки. Они были спаяны между собой братскими узами солидарности; смело и верно вели они закавказский пролетариат и народы Закавказья по пути их возрождения, здорового развития и процветания под деятельным знамением действительного интернационализма.

И поэтому сегодня, с особенной болью в душе отмечаем день их памяти, а трудовое Закавказье с благоговением склоняет свою голову перед Великой могилой славных революционеров - вождей.

А. Мясников

17 сентября.

Степан Шаумян.

Г. Зиновьев.

Как сейчас вспоминаю беседы с покойным товарищем Степаном во время 1-го с'езда Советов на траве во дворе кадетского корпуса, где происходил с'езд, летом 1917 г. Мы говорили урывками и не могли досыта наговориться.

Ровно 10 лет прошло со дня нашей последней встречи, которая произошла в 1907 г., если не ошибаюсь, на Лондонском с'езде нашей партии. И вот во дворе кадетского корпуса вспоминалось все то, что произошло в нашей жизни за эти десять лет и высказывались надежды на будущее.

Покойный товарищ Степан с необычайным знанием дела и со свойственной ему дальнозоркостью освещал все подробности тогдашних запутанных вопросов Кавказа. Меньшевики и эс-эры имевшие на 1-ом с'езде Советов громадное большинство, запретившее нам устройство назначенной нами было демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам», переживали особенно к концу этого с'езда необычайную растерянность. Их многочисленные фракции заседали целыми днями, обсуждая вопрос о том, как лучше расправиться с большевиками.

Мы имели на 1-ом с'езде Советов лишь небольшую фракцию. Нам оставалось терпеливо ждать пока меньшевики и эс-эры совещались. С'езд как таковой бездействовал и вот в это время мы находили среди безумной работы свободные часы, в течение которых обменивались мыслями с товарищами с которыми не видались по десяти и больше лет.

В нашей немногочисленной фракции 1-го с'езда Советов тов. Степану Шаумяну принадлежала руководящая роль. Все мы знали его как выдающегося вождя нашей партии и как крупнейшего нашего представителя на Кавказе.

Товарища Степана высоко ценил тов. Ленин, который в течении всех лет контр-революции старался поддерживать с ним нелегальную переписку из-за границы. Не так давно просматривая в Петроградском революционном архиве дела бывшей охранки я натыкался на подлинные письма Владимира Ильича к тов. Степану по национальному вопросу. Это письмо имеет выдающееся значение. Кажется оно уже было где то опубликовано в 1920 году.

Мне довелось присутствовать в Баку на похоронах Шаумяна, Джапаридзе и других товарищей из числа 26 погибших от рук эс-эров и меньшевиков. Мне довелось тогда в надгробной речи сказать, что в лице знамен печального рабочего кортежа, сопровождающего тела т.т. Шаумяна, Джапаридзе и других погибших с ними, слышится раскаяние тех работих, которые в свое время не поддержали т.т. Шаумяна и Джапаридзе и тем самым как бы выдали их в руки палачей.

Это было именно так. Колебания масс иногда бывают при известных обстоятельствах неизбежны и не тот вождь, который умеет защищать интересы масс тогда, когда массы ясно сознают эти свои интересы и грудью защищают своего вождя; вождь тот, кто остается на своем посту даже тогда, когда представляемая им масса под влиянием тяжких обстоятельств колеблется, подается назад, оставляет его. Именно таковым был тов. Степан Шаумян. Внешне скромный тов. Шаумян по пути дела был человеком воистине созданным для того, чтобы руководить рабочим классом в его великой освободительной борьбе. Он был сделан из того металла, из которого делаются настоящие вожди мирового пролетариата. Именно поэтому имя тов. Степана Шаумяна навсегда золотыми буквами вписано в историю Российской и мировой пролетарской революции».

Г. Зиновьев

Москва, 7 сентября 1922 г.

(Передано «Бак. Раб» по проводу).

К кровавой годовщине.

А. Микоян.

Это было ровно четыре года тому назад. В маленькой грязной камере Краснододского арестного дома.

Прошло три дня, как мы попали в этот застенок. В нашей камере были т.т. Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и др.—всего 16 человек.

Ночь на 20 сентября.

Лежали кто на нарах, кто на полу.

Одны спят, другие дремлют.

В окно светит товарная луна, яркая, светлая.

Два часа ночи.

Слышится шум, стук железа.

Открывается дверь.

Врывается банда социалистических палачей.

Начинают перекличку.

Разбивают всех обитателей на три группы.

Выводят первые две группы из камеры, вырывают их из нашей среды.

На вопрос—куда ведут? — отвечают: **«Здесь мест мало. Перевозят в Асхабад, в областную тюрьму».**

Настает гнетущий час разлуки с лучшими товарищами, с беззаветными борцами рабочего дела, революционными вождями бакинского пролетариата.

Проходят мучительные дни и недели безвестья.

Где они, куда их повезли, не можем установить.

Одни говорят, что они в Асхабаде, другие—в Персии.. Мы не знаем, где наши близкие друзья, бакинский пролетариат—где его вожди, Советская власть—где ее лучшие борцы.

Сомнения вкрадываются в душу, терзают ее. Тяжело думать, что нет больше в живых Степана, Алеши, Валички...

Вдруг, неожиданно некто с воли сообщает нам в тюрьму страшную правду, вскрывает перед нами кошмарную картину неслыханного злодеяния эсеровских палачей. Этот неизвестный нам, незнавший нас—железнодорожный рабочий из Краснододска, кажется, проводник.

В ту ночь он был на вокзале. Видел людей подозрительных, вооруженных, переодетых, в белых чалмах. В вагонах—лопаты.

Почуяв, что готовится что-то недоброе, страшное, решился быть свидетелем готовившейся кровавой расправы. Незаметно, тайком пролез меж вагонов и устроился на буферах.

Он видел своими глазами, как в далекой степи остановили поезд, вывели из вагонов по группам пленных борцов коммунизма, недалеко от полотна зверски растерзали их.

В пулеметной трескотне он слышал последние слова жертв белого террора:

— «Мы умираем за коммунизм. Да здравствует коммунизм».

...Рассветало.

Убийцы торопились и не успели зарыть все трупы.

Вожди бакинского пролетариата своею кровью оросили пески пустынных степей далекого Закаспия.

Свою жизнь они принесли в жертву делу коммунизма.

Своей героической смертью они раскрыли глаза обманутой части бакинских рабочих и направили их на правильный путь—борьбы за коммунизм.

Их смертью закрылась самая мрачная страница рабочего движения Баку, страница предательства и авантюризма наемников капитала—партии эсеров и меньшевиков.

Пусть бакинские рабочие вспомнят последнее заседание Бакинского совета (25—26 июля 18 г.), когда большинство Совета под руководством социал-предателей стало на сторону англичан и против российского пролетариата. Торжествовавшие эсеры и меньшевики с наглостью лакеев предлагали и большевикам итти за ними на услужение империализму, иначе угрожали смертью и гибелью. Тов. Шаумян, бледный от ненависти и презрения, пророчески заявил:

«Победившие изменники пытаются и нас свернуть на путь предательства. Но мы предпочитаем умереть на славной чести революционера, чем спасти свою жизнь ценою измены и предательства».

И они пали славной смертью так, как подобает подлинным пролетарским борцам.

Бакинский пролетариат, обезглавленный гнусными палачами, но прозревший и окрепший духом в классовой борьбе, ценой крови своих вождей, каждый год, в день их трагической смерти, чтит их славную память.

В память павших борцов недостойно проливать слезы и издать духом. Их светлая память требует от бакинского пролетариата твердо и непоколебимо следовать по революционному пути, обагренному их кровью; уметь бороться и служить рабочему делу так стойко, как они; если потребуется, пасть такою же славною смертью, как они; свято хранить в своих пролетарских сердцах их заветы; крепко держать в своих мозолистых руках знамя коммунизма, под которым они пали.

Четвертая годовщина кровавой трагедии находит бакинский и весь российский пролетариат в иных условиях. В условиях, когда Советская рабочая власть, крепче, чем когда бы то ни было, с одной стороны, и когда ей угрожает больше всего опасностей новых затруднений и колебаний, с другой стороны.

Все наглеющее наступление международного капитала своим отражением внутри России имеет возрождение буржуазных сил и возобновление контр-революционных попыток авантюристических эсеровских элементов против Советской власти.

На глазах у всех рабочих прошел пролетарский суд над эсерами.

Обнаружилось неисчисляемое количество гнуснейших преступлений эсеров против рабочего класса, против его первой Советской республики. В тот день, когда бакинский пролетариат, горящий ненавистью к гнусным палачам из эсеровск. лагеря, чтит память павших борцов, в этот день в Баку десятки тыс. пролетариев шлют проклятие нитям империализма, эсеровским грабителям и поджигателям.

Если после чудовищной измены и предательства эсеров в 1918 году кое у кого из наших людей могли остаться сомнения на счет того, что переход эсеров, меньшевиков и дашнаков на сторону англичан не был сознательным предательством, а возможно эсеры ошибались также, как и многие рабочие ошибались,—то следующая деятельность эсеров рассеивает всякие сомнения.

Невозможно перечислить всех злодеяний эсеров, совершенных или после 18 года по всей России и на Кавказе.

Стоит упомянуть лишь их преступления, совершенные в прошлом году за границей под фирмой парижского административного центра, состоящего из авантюристов главарей партии эсеров. Что показывают документы административного центра, попавшие в наши руки?

Что изменилось у эсеров с восемнадцатого года?

— Изменилось только то, что если в 18 году эсеры были на службе у английского капитала в Баку, и получали от него содержание, то в 21 году поступили на услужение французским империалистам, от которых получали деньги на организацию взрывов и поджогов против рабочего государства. Они перешли на содержание Пуанкаре, ибо Ллойд-Джордж отказался верить их авантюрам и платить им за это золотом. Если бакинские рабочие плохо не знают и не видели Зенкинова, Авксентьева, Чернова и Керенского, получавших деньги из французского и чехо-словацкого министерства иностранных дел, то пусть они припомнят одного из политических шарлатанов, эсера Тер-Погосяна, члена Кавказского Комитета эсеров, служившего лакеем англичан в Баку. Лакейское ремесло и получение денег из буржуазных карманов настолько пришлось по природе этому, с позволения сказать, «социалисту-революционеру», что он начатую в Баку службу продолжает в Париже и оттуда организует подлоги промыслов и контр-революционные выступления против рабоче-крестьянской России.

К наемным шпионам капитала не должно быть никакой пощады.

В день кровавой годовщины бакинский пролетариат должен не забывать, что он за свое пролетарское великодушие в 18 году поплатился жизнью своих лучших вождей.

У эсеров, удравших от победоносной революции за границу под крылышко капитала, хватает наглости перед европейскими рабочими утверждать, что большевики ввели террор против «социалистов» по своей «кровожадности», а вовсе не были вынуждены к этому ходом борьбы и что если бы у власти стояли эсеры, то был бы один рай и господство абсолютной свободы.

Если такого рода болтовня может повлиять на кое-кого, то вовсе не на бакинских рабочих, испытавших зверство эсеровской контр-революции.

Пусть каждый вспомнит 17—18 годы, медовые месяцы Советской власти, тогда при большевиках была действительно невиданная свобода, когда не только не был расстрелян ни один эс-эр или меньшевик, но и не было произведено даже ни одного ареста или обыска, хотя шла волная бешеная травля против Советской власти. Хорошо было это или нет—это скажет история, но это была политика великодушия еще неокрепшего пролетариата.

Как же ответили большевикам эсеры и меньшевики, когда они по воле английского империализма на секунду вторгнулись у власти в Баку?

— В первые же дни были разоружены все большевики, было арестовано больше сотни работников, наспех ими было составлено положение о военно-полевых судах, был выработан в нем специальный пункт, по которому можно было расстреливать сидевших в тюрьме большевиков, которых бакинский пролетариат избрал своими депутатами созванного меньшевиками Совета.

И если, испугавшись бакинских рабочих, они не успели расправиться с ними в Баку, то это кошмарное злодеяние им удалось совершить в благоприятный для них момент, когда рабочий Баку был разгромлен турецкими полчищами, а диний разгул контр-революции в Закаспии и Петровске давал возможность скрыть истинных виновников преступления.

Было бы преступно пощадить таких отъявленных контр-революционеров, которые по своей природе только [illegible] на пролетарское великодушие ответить [illegible] злодеяниями.

Четвертая годовщина трагической смерти вождей бакинского пролетариата—день сплочения рабочих масс под знаменем коммунизма.

Бакинский пролетариат, охваченный пре зрением и ненавистью к палачам, любовью и преклонением пред памятью павших вождей, должен ложиться пройденный тернистый путь кровавой борьбы за революцию и проникнуться твердой решимостью и непоколебимой верой в торжество святых заветов великих коммунаров.

Склоним свои головы пред священной могилой геройски павших вождей.

Да послужит светлый образ пролетарских борцов Степана, Алеши, Валички путеводной звездой в нашей борьбе.

А. Микоян

Ростов-на-Дону, 15 сентября.

Героический подвиг.

Мих. Кахиани.

Четыре года отделяют нас от того момента, когда в далеких и знойных степях Закаспия—под руководством просвещенных демократов из вполне приличного англо-эс-эровского общества воровски и негодяйски были умерщвлены 26 борцов бакинской коммуны.

Мы говорим — умерщвлены, а не расстреляны, ибо — по выясненным на процессе по этому делу в Туркестане данным они были не расстреляны, а обезглавлены и все 26 голов были отделены от туловища.

Причину такой дикой, неслыханно - гнусной расправы людей «порядка» над 26 коммунарами надо искать в создавшихся политических условиях жизни Закавказья.

Политическое положение Закавказья в сентябре 18 года характеризуется по преимуществу борьбой между собой двух империалистских сил: германо-турецкой и английской. **Германия,** оккупировавшая при любезном содействии меньшевиков Грузию (хотя на бумаге существовала «независимая демократическая» Грузия) имела об'единенный фронт с Турцией (Батум тоже без сопротивления «независимых» меньшевиков любезно был предоставлен большевиком туда турецким войскам), мечтавшей тогда об осуществлении заветной идеи пантюркизма и о крушении английского владычества.

Англия была заинтересована в том, чтобы парализовать германо-турецкое влияние на Кавказе. Ясное дело, что запрыгивание Турции с азербайджанскими ордами не могло не беспокоить англичан, которым всегда бакинская нефть снится. К этому времени германские дела ухудшились и,—вследствие поражений на западном фронте,—Германия была накануне капитуляции.

Английское командование старалось использовать благоприятный момент и все удобные и подобные средства с одной стороны для парализования германо-турецкого влияния, а с другой—для сокрушительного удара по большевизму.

Вот почему в этих целях—по усвоенной империалистской Англией вероломно-хитрой тактике «разделяй и властвуй», она поддерживала шовинизм дашнаков в Армении и в Азербайджане, грузинских меньшевиков, «нейтрально» строящих глазки обоим империалистическим женихам и все прочие - большевистские образования и группировки, могущие принять участие в деле удушения большевизма.

Единственной серьезной помехой на этом пути в Закавказьи был Баку—один из центров рабочего движения, первый поднявший знамя славной рабочей революции.

Обезглавить пролетарский Баку, испробить идеи коммунизма в среде бакинского пролетариата и захватить в свои руки бакинскую нефть—это было задачей английских разбойников.

И здесь на подмогу им пришли всегдашние слуги—рыцари трусости, гнусности и тупости: меньшевики, эс-эры, дашнаки и всякая прочая сволочь, которая и решила своим большинством голосов на заседании Бакинск. Совета—25-26 июля—участь бакинской коммуны приглашением туда англичан.

В этом номере 20 страниц.

Содержание:

Статьи: Г. Зиновьева, С. Орджоникидзе, Н. Нариманова, А. Мясникова, А. Микояна, Мих. Кахиани, П. Чагина, Л. Мирзояна, И. Варейкиса, Д. Гопштейна, Сурена Шаумяна.

Кто виноват? Мих. Лифшиц.

Как их убили?

Воспоминания: Ваню Стурua, С. Маркарьяна, А. Мравьяна, Н. Колесниковой, Артака, О. Шатуновской, И. Довлатова, Захрибова, Фролова, Румянцева, Лаврентьева, Самойлова, С. Оганова и др.

Письма: В. И. Ульянова (Ленина), И. Сталина.

Последние речи и статьи С. Г. Шаумяна и П. Джапаридзе.

1918-ый год. Оборона Баку.

Материалы к биографиям: С. Г. Шаумяна, А. Джапаридзе, М.-б. Азизбекова, В. Фиолетова, И. Зевина и др.

Из архивов: Показания и документы.

Рассказы и стихи: П. Микулина, А. Поморского, Мих. Данилова и Ник. Сафронова.

Похороны 26 в Баку.

Портреты, зарисовки, снимки, планы, схемы художников П. С. Чичанова, Тер-Погосова, Безрукова, М. Гусмана и др.

Естественно, согласиться с этим не могли руководители Совета т.т. Ст. Шаумян и Алеша Джапаридзе, не только потому, что отстаиванием двух враждебных империалистских сил социалистическая оборона Баку становилась невозможной, но и вследствие того, что открывался новый фронт против Советской России, которой приходилось тогда отбиваться от целой серии белогвардейских генералов. И т.т. Степан и Алеша предпочли уйти и сдать власть меньшевикам и эс-рам вместе с пресловутым Центрокаспием, чем непосредственно участвовать в деле предательства интересов великой Российской Советской федерации.

Совершенно напрасно некоторыми пишется «история», доказывающая якобы непричастность «социалистических партий» к делу 26. Самым фактом «приглашения» англичан судьба бакинской коммуны и ее славных вождей была предопределена, а в этом приглашении сыграли решающую роль меньшевики, дашнаки и пр. Здесь была одинаковая заинтересованность хозяев и слуг: англичанами руководило не только желание провокацией мести, но и более высокие соображения политического характера; закавказским же «социалистам» нужно было свергнуть Советскую власть для утверждения своего господства в виде образования карликовых «национальных» государств и созыва Учредительного Собрания.

Степан и Алеша, прекрасно предвидя близкую трагедию гибели бакинской коммуны (Алеша расплакался, закрыв последнее заседание Бакинского Совета), но, будучи слишком великодушным к врагам, рискуя попасть в цепкие их когти, все же пошли на этот героический подвиг во имя сохранения мировой пролетарской революции и ее жизненного источника—Советской России, что было для них дороже всего.

И самая кратковременная жизнь и деятельность бакинской коммуны была, если хотите, сплошным героическим подвигом бакинских рабочих, желавших смыть позорное пятно с трудящихся Закавказья, благодаря преступной воле националистических партий, после октябрьского переворота оторвавшихся от обще-российской революции. В марте 18 года была сделана эта первая историческая попытка воссоединения связка с Российской Сов. федерацией и восстановления живого тела, которое рвалось на части врагами пролетариата.

В том и заключается великая историческая заслуга Степана и Алеши, что они, объединяя: первый—великолепным теоретически—марксистским мыслящим умом, а второй—горячим сердцем непреклонного революционера-практика, прошедшие школу бакинского пролетариата, впервые осознали—в сложной обстановке Закавказья—необходимость полного единства и сохранения связей отдельных единиц с центром рабочей революции и тем самым положили фундамент тому делу, которое сейчас—после четырех лет со дня их смерти—спрошена руками их верных и стойких последователей, борющихся в Закавказьи под недежными старыми знаменами Степана и Алеши.

Пусть одни считают действия Степана и Алеши—«геройскими безумием»...

Пусть другие обвиняют их в проявлении или великодушии.

Бакинская коммуна найдет своего историка.

История скажет свое последнее беспристрастное слово.

Одно должно быть для всех ясно: Степан и Алеша были незаурядными вождями, мозгом и сердцем, интеллектуальным центром большевизма на Кавказе и на Востоке.

Они счастливы тем, что их героический подвиг и до сих пор воспламеняет тысячи бойцов к новым битвам и победам.

Они счастливы тем, что умерли за бессмертное дело и вписали вместе с бакинскими рабочими славные страницы в историю великой рабочей революции.

Будучи вождями всего Кавказа, они были в то же время учениками бакинских рабочих.

И память о них будет жить в их сердцах до тех пор, пока на нефтяной земле, где покоятся их останки, останется хоть один бакинский рабочий.

Тифлис, 14 сентября.

Из искры—пламя.

Г. Чагин.

Ничто так красноречиво не говорит за необходимость теснейшего, неразрывнейшего союза Закавказских трудящихся масс и их революционного бакинского авангарда с рабоче-крестьянской Россией, как тяжелый, недолгий, но необычайно богатый опыт Бакинской коммуны.

Нефтяная крепость рабочего класса с первого же момента, как только над ее фортами взвился советский стяг, принуждена была выдерживать осаду [illegible] стической стихии, [illegible] по всему [illegible]казью, и очень скоро попала под перекрестный огонь двух ощетинившихся друг против друга империалистских группировок—англо-французской и германо-турецкой. Обе кровожадно и сластолюбиво тянулись к бакинской нефти. Одна—англо-французская—стоявшая уже накануне своей дьявольской победы, мечтала захватом нашей нефтяной сокровищницы увенчать свое победное здание, украсить еще одной награбленной жемчужиной версальский храм безраздельного антантовского господства. Другая, германо-султанская, почуявшая свое неминуемое поражение и надвигающийся разгром в империалистской схватке, спешила походом на Баку и вторжением в советское нефтехранилище отпраздновать свой последний пир.

У каждой хищнической группировки были свои продажные наемники и добровольные лакеи. Они помогали империалистским сирутам душить героическую коммуну бакинского пролетариата, каждую минуту готовые накинуть на нее удавный аркан, вонзить ей предательский нож в спину и распластать ее труп либо перед кроваво-грязными сапогами Гогенцоллерна и султана, либо перед разнузданными стеками английских завоевателей.

Вожди бакинской коммуны и ее мужественные герои, достойные памяти славных парижских коммунаров, отдали [illegible] дели и [illegible]ли, что уберечься и спастись от империалистских сирутов и акул можно только тогда, когда бакинский пролетариат крепко-накрепко привяжет свой одинокий маячащий в Закавказьи и борющийся с волнами челнок к корме большого советского корабля—к рабоче-крестьянской России. Бакинская коммуна родилась среди похмелья после пьяного кутежа и безумного разгула слепой межнациональной свалки и резни. Первейшим лозунгом, боевым знаменем, основной целью коммунистического гарнизона бакинской нефтяной крепости 1918 года—было достижение и упрочение теснейшей интернационалистической связи с российским отрядом международного пролетариата, с великим отрядом, который первый в истории и в мире проломил своим октябрьским ледоколом вековой лед рабства и расплавил революционным огнем оледенелые цепи насилия.

Но капиталистический, буржуазно-помещичий лед стерей России был тогда еще только что проломан, только что прорезан. Холодные ледяные обломки бешено боролись с революционным пожаром. Они сгрудились и образовали тогда ледяную стену белогвардейщины, которая разобщила пролетарское пламя, бушевавшее в России, и смелую искру, рвавшуюся к России из Баку. Пожарная команда английского империализма, явившаяся на эс-эро-дашнакско-меньшевистский вызов на поднятую ими изменническую тревогу, потушила четыре года назад героическую искру Бакинской Коммуны. Но так только казалось пьяным английским брандмейстерам и их эс-эровским подручным, что искра погасла. Коммунистический авангард обманутого Айоллами и Садовскими бакинского пролетариата сдунул ее под грудами мусора и пепла и сберег до лучших дней. Незабвенное пророчество великого знаменосца Бакинской Коммуны Степана Шаумяна сбылось. Мы—живые, счастливейшие свидетели и участники его полного осуществления. Из Бакинской искры разгорелось огромное закавказское советское пламя. Ледяная стена казацкой Вандеи и белогвардейщины, стоявшая на пути к Советской России, проломлена и расплавлена—Советское Закавказье и Советская Россия—«два проявления стихии одной», великой огненной стихии пролетарской революции, ведущей об'единенную братскую интернационалистски-снаянную борьбу против ледяного дома мирового империализма на Западе и его колониальных пристроек на Востоке.

История судила, чтобы в этой борьбе стойкий часовой и знаменосец закавказских трудящихся масс, бакинский пролетариат держал в своих руках знамя, омытое четыре года назад драгоценнейшей кровью двуединого мозга и сердца Бак. Коммуны—Степана и Алеши—и 24 мучеников, погибших вместе с ними в Закаспии. Знамя это досталось слишком дорогой ценой бакинским рабочим, и оно никогда не будет знать смены в их руках.

Баку, 19 октября.

Историческое значение Бакинской коммуны.

Н. Варейкис.

История бакинской Коммуны 18 года, ее героическая борьба, поражение, а потом вторичное возрождение как феникса из пепла, это только одна из лучших страниц той книги, которая печатается, по образному выражению Гете—«на станке походных веков».

Неизгладимая роль и значение ее для бакинского, российского и международного пролетариата возвеличивается неизмеримо при рассмотрении ее последствий, в общей связи, со всей предшествующей эпохой борьбы коммунизма с капитализмом. Как рождение каждого человека сопровождается кровью и муками, так и появление нового общества не может миновать этого. Маркс был прав, когда указывал, что насилие постоянно выполняло и выполняет роль повивальной бабки каждого нового общества. Такова уж формация классовых отношений, покоющихся на основах собственности, что только в борьбе,—ценою смерти одного класса и победы другого, возможно поступательное, прогрессивное развитие истории вообще. Идеалы всеобщей свободы, справедливости, равенства находятся в полном противоречии с методами и формами при помощи которых, они могут быть осуществлены. Силе противопоставляют только силу. Разрушить силу одного класса, уничтожить его господство, можно только силою другого класса. Разве исключительно дураки могут поверить в победу достигаемую иначе. Только безумные фанатики способны уверовать в [illegible] могущество нерушимых труб пророка Навина!

Такова логика классовых противоречий, остающихся и поныне с одной стороны движущим началом, с другой связующим обручем общества. Она,—эта сила, руководила безумством храбрости Спартака—вождя восставших рабов древнего Рима, она заставила позже братьев Гракхов поднять знамя борьбы с цезаризмом, она привела в движение сотни тысяч средневековых крестьян, возглавляемых Мюнцером, и пустила на феодальные поместья «красного петуха», ею же воодушевлен Кромвель, Ливереллы и снята голова английского короля Карла 1-го, она родила Марата, зажгла пламя уст Сен-Жюста и Робеспьера и поставляла способнейших топильщиков для гильотины в эпоху Великой французской революции.

Когда-же появился промышленный пролетариат—этот полный антипод буржуазии, с первого дня его появления на исторической арене, стало очевидным, что борьба противоречий становится с этого момента руслом всего последующего исторического процесса. Оно ознаменовало провозглашение такой борьбы, которая основывалась на противоречиях, должна уничтожить само противоречие.

Три урока. Три революции пролетариата—контрасты, июльские дни революции 1848 года и Парижская Коммуна 1871 года, затмили все предыдущее в этом роде. Борьба классов приняла новую форму и новый масштаб. Национальные границы и разобщенность народов, уже значительно сглаженная развитием мирового капиталистического хозяйства и интернационализацией рынков,—выдвигаются международной солидарностью угнетенных и эксплоатируемых. Сначала робко, но с каждым шагом все более и более уверенно пролетариат связывает себя интернациональной цепью, единством классовых интересов, исторических задач и общественных идеалов.

Мировая война. Шовинизм и национализм господствующих классов и промежуточных слоев, как кислота, временно разъедает кромки интернациональной спайки пролетариата, но с тем, чтобы уже в конце войны возродить с новой небывалой силой.

Международная военная катастрофа ослабила силы капитализма и вместе с тем разжигала силы и страсти, находившиеся ранее в стальных оковах буржуазного режима. На обоих полушариях запахло порохом гражданской войны! Пролетариат развернул свое [illegible] обязывал ход событий,—стихийный характер которых не укладывался ни в какие рамки. Пролетариату нужно было только следовать придерживаясь нити, ибо клубок развертывался сам под влиянием многочисленных факторов, находящихся за пределами его влияния. Но вот лампарм и тюремщик Европы и Азии—русский царизм—погребен под развалинами своих серых хранилищ, груды которых останутся позорным памятником для него навсегда. За ним, та же участь постигла российскую буржуазию. Тогда двинулся первый вал мировой социальной революции! Вслед за российским пролетариатом, в этом крестовом походе против капитализма первым шел бакинский.

Опоясанный стеной полной враждебности, отделенный от революционной России Вандеей казачьих восстаний, перед лицом вооруженного до зубов—французского империализма и угрозы нашествия турецких полчищ, устраиваемый голодом,—при такой обстановке была провозглашена первая бакинская Коммуна. Это была героическая вылазка социализма!

Захват бакинской нефти давал в руки революционных масс, огромную материальную трофею. Тем временем и почти в той же форме революционные события повторились в Венгрии и в некоторых провинциях Германии. Там пролетариат также захватил власть. Между прочим характерно, что судьба венгерской коммуны чрезвычайно походит, в результатах того времени, на судьбу и последствия бакинской Коммуны. Разница разумеется состоит только в том, что бакинская Коммуна впоследствии, через два года, восстановила свое господство, а венгерская еще и по ныне переживает трагедию своего поражения.

Бакинская Коммуна не могла устоять и сохранить свои позиции одна без немедленной поддержки, без того, чтобы ее победа не развернулась, как первое и непременное условие, хотя бы в Закавказском масштабе. К сожалению она не нашла достаточно сил для этого и у себя, и тем более отклика, и необходимые предпосылки в пределах всего Закавказья, и потому она была обречена на поражение. Чрезвычайно знаменателен еще один момент. Бакинский пролетариат, прошедший школу революции 1905 года, даже он,—испытанный и закаленный в классовой борьбе,—подобно венгерскому пролетариату, обнаружил признаки колебания. Примеры революционной борьбы международного пролетариата, его отношения в своей массе, к коммунистическому авангарду, доказывают, что такое свойство присуще определенным слоям почти во всех странах. Оно носит международный характер. Ибо пролетариат не всегда достаточно оценивает свои победы. В ряде случаев при торжестве контр-революции и белого террора побеждающие и поверженные классы, наблюдая резкие контрасты классового поведения, начинают понимать во всей полноте цену своих потерь. Это одна из слабых сторон современного пролетариата в Германии, Венгрии. Она отодвинула там значительно назад революцию, а в лице Бакинской Коммуны, послужила одним из факторов ее слабости. Тем не менее они ничуть не ослабила исторической жизнеспособности бакинского пролетариата, революционная гегемония которого служит в настоящий момент рычагом управления всего Советского Закавказья.

Есть специальные резонеры, поставившие их вне всякой конкуренции являются меньшевики, которые способны нагло обвинять бакинскую Коммуну 18 года в утопичности и обличать в ошибках партию, провозгласившую ее. Люди такого сорта, берущие на себя смелость исполнять роль наставников истории, в лучшем случае дураки и трусливые лакеи, в худшем—прямые матерые враги социализма. Эти кроткие новорожденные социалисты с розовенькими фразами [illegible] реформ [illegible] Ц-го Интернационала, после Каутского, все еще мечтают [illegible] капитализм [illegible] зло какими то новыми методами. Без крови, без риска потерпеть поражение! Они забывают то, чему учились. Они не беспокоят себя трудностями хотя бы вспомнить, что еще Камил Демулен 125 лет тому назад заявил в Конвенте, что «Бастилию декретом взять нельзя!»

Разительный пример, ничтожества всех таких теорий, их полную беспомощность, как пресловутой библейской смоковницы, дает германское национальное собрание 1848 года и ее 2-е ухудшенное, карманное издание теоретиков II-го Интернационала, собравшиеся в тихом Ваймаре после революции 9-го ноября 1918 года.

Захват власти есть первое условие всякого общественного переворота. Вождя бакинского пролетариата, воспитанные в школе революционного марксизма, поступили вполне верно, когда провозгласили бакинскую Коммуну, хотя бы заранее предвидели возможность ее поражения.

Их тактику следует рассматривать в перспективе 18 года, освещенную зарей мировой революции. Коренную ошибку допускает тот, кто берется судить о поведении бакинской коммуны, о тактике ее вождей, с точки зрения современных условий Нэп'а, в перспективе некоторого революционного упадка в Европе и наступления капитала. Только тот, что способен, отрываясь от современной обстановки, встать на раскаленную почву 18 года,—может дать верную, безошибочную оценку событиям и поведению партии и вождей той эпохи.

Тактика бакинской коммуны также неоспорима в своей правоте, как и тактика того периода революционного коммунистического авангарда пролетариата России и Европы.

При всех своих слабостях и ошибках, 1-ая бакинская коммуна останется навсегда лучшим уроком классовой борьбы, примером самопожертвования и храбрости.

Память о бакинской коммуне останется навсегда, как огненный маяк, указывающий пути полного освобождения угнетенных масс всего мира.

Приглашение англичан.

Д. Лопатин.

В историческом своем заседании от 25 июля 1918 года Бакинский Совет голосами меньшевиков, правых эс-еров и дашнаков постановил пригласить англичан для совместной борьбы против осаждавших город турок. Большевики и солидаризировавшиеся с ними левые эс-эры решительно протестовали против этого постановления, и в результате, спустя несколько дней, большевистский Совет Народных Комиссаров отказался от власти.

Факт приглашения англичан настолько важен для характеристики всей политической линии «право-социалистических» партий, он так четко обрисовывает их обычную контр-революционную позицию, что на анализе этого факта стоит подробно остановиться.

И в 18 году и после и теперь меньшевики и эс-эры об'ясняют свое поведение следующим образом.

Как известно «всем» (под «всеми» здесь подразумевается Вандервельде, Каутский и иже с ними) меньшевики и эс-эры «осуществляли идею Российской революции», а «борьба Баку с Турцией была борьбой Российской революционной демократии с турецким феодализмом и германским империализмом». *)

В этой борьбе, повествуют дальше наши «социалисты», силы были неравны, изнуренный Бакинский пролетариат изнемогал, он больше не в состоянии был сопротивляться и без внешней помощи Баку грозила гибель. Нужна была военно-техническая помощь и с этой целью, только с этой целью были приглашены англичане.

И эс-эры и меньшевики понимали, что прибытие англичан очень смахивает на оккупацию города и поэтому в своей резолюции, принятой на заседании Совета от 25 июля, они предлагали поставить англичанам определенным условием невмешательство во внутренние дела.

Итак, от англичан требовалась лишь «военно-техническая» помощь. Они должны были только доставлять пушечное мясо, всем же плодами победы должны были воспользоваться г.г. Садовский, Айодо

*) Речь лидера меньшевиков Садовского в заседании обновленного Бакинского Совета от 5 сентября 1918 г. («Бюллетень» Диктатуры Центрокаспия № 35 стенографич. отчет).

К истории бакинской коммуны.

Л. Миргоян.

Бакинская Коммуна 18 года после шестимесячной отчаянной борьбы с внешними и внутренними врагами пала, не выдержав натиска наступающих сил двух империалистических групп с Востока и Запада.

Баку по своему географическому и промышленному положению являлся и является крупным политическим и промышленным центром, следовательно, и лакомым [illegible] для западно-европейского империализма. Чем скорее укрепится в Баку, тот займет господствующее положение на Каспийском море и в Закавказьи и поведет с этих выгодных стратегических позиций дальнейшую атаку на врага.

Обе группы борющихся империалистических сил, одна с берегов Черного моря, другая из Месопотамии и Южной Персии, протягивали свои лапы к Баку, пользуясь тем, что Россия временно не в состоянии была оказать ему своевременной поддержки.

Германо-турецкий империализм, опьяненный своими победами и успехом в Бресс-Литовске, думал с захватом Баку утвердиться на берегах Каспия и отсюда приступить к осуществлению своей заветной мечты—вторжению через Персию и Туркестан в восточные владения Великобритании.

В свою очередь англо-французский империализм полагал с занятием Баку утвердиться в Закавказьи, восстановить вновь Кавказский фронт и поддержать белогвардейские армии в борьбе против Советской власти. Если ко всему этому прибавить еще измену и предательство партии эс-эров, меньшевиков и дашнаков, то станет ясным, насколько неизбежно было при такой обстановке падение Советской власти. Только можно удивляться тому, как в течение шести месяцев держалась Советская власть и на какие силы она опиралась в то время, когда коммунисты составляли значительное меньшинство и в Совете и среди рабочих.

На этом последнем нужно несколько подробное остановиться и осветить некоторые вещи.

С начала организации Совета еще в 1917 году нашей партии принадлежало незначительное количество мест: около 7—9 мест в первом Совете и 84 *) в последнем, не считая левых эс-эров и дашнаков. Однако, руководителями Совета с самого начала, за малым исключением, были вожди нашей партии, что объясняется отчасти личными качествами и влиянием руководителей нашей организации (Степан и Алеша) и умелым использованием противоречий и разногласий среди тогдашних партий и групп. После октябрьских побед в Питере и Москве, в кругах руководителей эс-эров, меньшевиков, дашнаков и мусаватистов были сделаны некоторые попытки создания блока с целью изоляции коммунистов и захвата Исполкома в свои руки. Однако, создание такого блока оказалось невозможным и только тупоумные люди и слепцы могли верить в возможность создания его. Интересы армянского дашнака, мечтавшего о создании «Великой Армении» и мусульманского мусаватиста или панисламиста, мечтавшего о «Великом Азербайджане» или о создании великого мусульманского государства от Индии до Волги, конечно, резко расходились, и каждый из них утаив свою злобу, вместо блока готовился к уничтожению своего национального противника. Историческая вражда между этими двумя буржуазно-националистическими партиями сложилась в течение целого ряда лет и десятилетий на основе взаимной экономической борьбы армянской и мусульманской буржуазии и ряда других исторических условий.

Эс-эры и меньшевики как и всегда ограничивались только пустыми разговорами и декларациями и никогда не решались на открытые решительные действия против Совета.

*) Цифра взята приблизительно.

При таких взаимоотношениях и при такой нерешительности всякие попытки создания единого фронта против большевиков оказались безрезультатными.

В стенах Совета борьба шла между блоком левых партий (коммунисты, левые эс-эры и левые дашнаки), с одной стороны, и правых, с другой, причем в этой парламентской борьбе внутри Совета мусаватисты и дашнаки вели своеобразную, свойственную мелко-буржуазным партиям, линию, голосуя то с левыми, то с правыми группами.

Одновременно происходила борьба между Советом и городской думой из-за власти. Мелко-буржуазные партии, составляя большинство в думе и Совете, обнаруживали такую величайшую бесхарактерность и трусость, что не решались открыто порвать или с Советом, где они боялись рабочих и нашей партии, или с думой, боясь кадетов и крупной буржуазии.

Это бесконечное шатание мелко-буржуазных партий и глубокая ненависть дашнаков и мусаватистов друг к другу и было использовано нашей партией в целях укрепления своего положения в Совете, тем более, что тогда ни одна партия не имела таких крупных, выдающихся вождей теоретиков, практиков и государственных деятелей, каких имели мы.

В это же время вне стен Совета две националистические партии «Мусават» и «Дашнакцутюн» лихорадочно вооружались и готовились к резне. Обе стороны организовывали и вооружали национальные полки из так называемой «Золотой молодежи», способной только на грабеж, пьянство и разврат. Наша партия и большинство Совета, увидя, что развитие событий ведут к столкновению этих двух вооруженных националистических групп и, следовательно, к страшной национальной резне, принялись поспешно за организацию Красной гвардии для ее предотвращения.

Обе национально-буржуазные партии, предвидя свою неизбежную гибель от руки нового общественного класса—пролетариата, пред'являющего свои законные права на власть, пытались оттянуть начало конца и затемнить классовый разсудок рабочего национальным антагонизмом.

Наша партия, как партия рабочего класса, должна была национальную войну превратить в гражданскую, в войну рабочих всех наций против буржуазии всех наций.

Весь период, предшествовавший мартовским событиям, был периодом подготовки двух националистических партий.

Нужен был только повод к столкновению, чтобы разгорелась война.

И повод нашелся. Разоружение Советом какого-то отряда Мусульманского Национального Совета на каком-то пароходе подал сигнал к событиям. Это было только поводом, но причины были иного характера, они лежали глубоко в социально-экономической жизни этих партий. Подобно тому, как убийство австрийского принца в 14 году не является причиной Великой Войны, а причины ее заключаются в соперничестве двух империалистических сил из-за господства на мировом рынке, а только поводом, точно также и разоружение отряда на пароходе является только ничего не говорящим мелким фактом.

Мартовские события в Баку, подготовленные еще за долго ходом событий в Закавказьи, разразились, стали фактом, и наша партия, благодаря проницательности и дальновидности таких крупных вождей, как Шаумян и Алеша, энергично вмешались, и на третий день удалось приостановить национальную резню.

К этому моменту относится уход Кавказской армии с фронта, наступление турок и появление среди политических партий Закавказья различных ориентаций. Одни партии готовы были броситься в об'ятия турок и ждали их как избавителей, другие и боялись их и готовы были с ними бороться, а третьи—не могли определить в этом бурном потоке исторических событий, свое положение и ждали новых перспектив.

Одна только наша партия сумела предопределить ход дальнейших событий и наметить свои ближайшие задачи, которые в двух словах заключались в отстаивании и сохранении Баку, как важного стратегического и промышленного центра для Советской России, для интересов Пролтерской Революции от той и другой группы империалистических сил.

После мартовских событий, Совет, не имея реальной возможности распустить национальные советы, сформированные национальные полки и заарестовать руководителей национальных комитетов и отдельных военнопленных, должен был ограничиться примирением сторон и некоторыми угрозами.

Распустив городскую думу и оставшись единственной властью в городе, Совет приступает к организации Красной армии из рабочих и из сочувствующих нашей партии солдат.

В то время, когда в отдельных районах Кавказа контр-революция собирает свои силы против восставших рабочих и крестьян центра, против Революционной России, или под тем, или иным предлогом, отказывается от Советской России и образовывает свои так называемые «самостоятельные» и «независимые» республики в надежде «спасти» свою страну от «разрушительных» действий большевизма, установление Советской власти в Баку приводит в бешенство и ярость всех, начиная от «социалистического старца» Жордания, кончая дагестанскими генералами. Не успевают еще убрать трупы на улицах Баку, как стучатся в двери дагестанские «правители» с целью «спасти» город от большевиков. Приходится на спех организованные отряды Красной гвардии посылать на фронт против вдвое и втрое сильнее врага. Но Красная гвардия, малочисленная и необученная, хотя и отражает «дагестанцев», не в состоянии выдержать натиска всех врагов, наступавших не только со стороны Дагестана.

Нужны были более значительные силы, чтобы спасать Баку.

Мусаватисты тем временем все национальные полки переводят в Гянджу и, получив помощь от турецкого штаба и «демократической Грузии», начинают по линии жел. дор. наступление на Баку. С одной стороны наступление турецко-мусаватско-германо-грузинских полчищ, с другой, чрезвычайно трудное продовольственное положение города, создали обстановку, при которой нужна была чрезвычайная энергия, проницательность, понимание хода событий, уменье лавировать между различными группировками и использовать все возможные силы, чтобы оборонять город в течение шести месяцев. К тому же, меньшевики и эс-эры об'ективно делали все, чтобы ускорить падение Баку, они, дезорганизовывая внутренний фронт, тем самым действовали за одно с турками и мусаватистами. Они своими действиями и поведением вписали еще одну позорнейшую страницу в книгу преступлений их перед революцией.

При таком положении Советская власть должна была найти реальные силы для защиты города. И такой силой, кроме красногвардейских частей и партийных дружин оказались оставшиеся в городе армянские национальные части.

При анализе событий 18 года многие товарищи допускают неправильную постановку вопроса, и этим вводят в заблуждение и многих других. А между тем от правильной постановки вопроса зависит многое. Вся ошибка, по их мнению, заключается в том, что будто бы Советская власть опиралась в 1918 году на дашнаков. Это в корне неправильная постановка.

Советская власть не опиралась на дашнаков, а использовала дашнакски настроенные части для защиты советского города.

Советская власть в 18 году преследовала задачу сохранения нефтяной промышленности для борющихся русских рабочих и крестьян. Понимая всю важность и все значение нефтяной промышленности в процессе гражданской войны и зная, что от размеров и количества наших нефтяных запасов зависит быстрота и темп наших побед над Колчаком и Деникиным, мы всеми средствами и силами должны были отстоять Баку для Советской России.

Не имея других сил и не получая их из России, наша партия, как господствующая в Совете и ответственная за власть, должна была использовать дашнакски настроенные силы. При других обстоятельствах и при других условиях она, конечно, не стала бы этого делать, но в обстановке 18 года партия, несомненно, поступила правильно.

Совет и его вожди Шаумян и Алеша не

Он работал и мыслил, как Титан...

Помню, иногда подходил к моему столу, клал на него какую-нибудь работу и произносил несколько слов в пояснение.

Никогда не забуду его лица, его голоса, его улыбки...

Он не мог оторваться от работы, и если бы не назойливые заботы окружающих, он бы никогда не ел и не спал.

***

Еще раз удалось видеть Степана в Совнаркоме за два дня до падения Совласти. Он велел унести из ящиков его стола все бумаги и телеграммы.

Он был очень усталый, но как всегда твердый и хладнокровный.

***

Через несколько дней мы вернулись ночью в Баку из Баладжаров с мучительным сознанием того, что падение Баку неизбежно.

Мы узнали, что Советской власти уже нет.

Степан находился на пароходе—единственной неприкосновенной резиденции его как представителя РСФСР.

Мы отправились туда. Застали Степана сидящим на палубе. Он был один. Один переживал страшную тяжесть, наедине с собой, старался преодолеть свою скорбь, обдумывал дальнейший план действия.

Он окликнул нас. Мы уселись с ним рядом на ящиках. Всю ночь Степан говорил, об'яснял нам ход происшедших событий, вскрывал измену меньшевиков и эс-еров, указывал возможные положения в дальнейшем, пояснял, как держаться сейчас, подчеркивал как важно сейчас именно не терять выдержки, а наоборот удвоить ее.

Мы слушали молча и каждое слово его врезывалось навеки в мозг.

Несокрушимая бодрость, изумительное присутствие духа, гениальная способность предвидения событий не покидали его даже в этот, наиболее тяжелый момент.

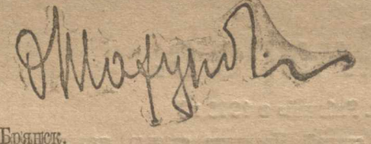
***

В последний раз мы видели Степана, когда пароходы отплывали 14 августа с Петровской пристани.

— «Мы еще вернемся»—сказал он.

Это был его последний прощальный привет бакинским рабочим.

Да, мы вернулись... А его—нет.



Брянск.

Статьи С. Шаумяна.

Закавказский комиссариат и революция в Закавказье.

Закавказский комиссариат слагает свои полномочия и передает власть Закавказскому сейму.

Трудно себе представить, чтобы когда-либо и где либо в мире могло существовать более жалкое и бесславное правительство, чем Закавказский комиссариат во главе с Гегечкори. Правительство Керенского, также бесславно кончившее, имело, по крайней мере, громкое начало. У Закавказского комиссариата с первого же дня его появления не было никакой реальной опоры и никакого морально-политического авторитета. Этого авторитета не было у него даже в своих собственных глазах.

Закавказский комиссариат являл собою блок трех национальных партий: грузинских меньшевиков, армянских дашнакцаканов и мусульманских беков.

В особом Закавказском комитете, тоже довольно печальной памяти, сидели—грузин Чхенкели, армянин Пападжанов и мусульманин Джафаров. Вершая, каждый в своем отдельном кабинете, судьбы «своей» нации, они ненавидели друг друга, не доверяли друг другу и занимались, по примеру восточных правителей взаимным подсиживанием, подслушиванием, подсматриванием и интригами. Единой власти для Закавказья не существовало.

Когда образовался Закавказский комиссариат, вместо одного Чхенкели, появились три Чхенкели, вместо одного Пападжанова и вместо одного Джафарова три или четыре Джафаровых.

Но от этого Закавказское правительство не стало лучше. Наоборот оно стало трижды и четырежды хуже.

Закавказский комиссариат был хуже прежде всего тем, что он повел сепаратистскую окраинную политику. В самую острую минуту, переживаемую русской революцией, когда на одной стороне мобилизовались революционные силы рабочих и крестьян, а на другой контр-революционеры—Милюковы, Корниловы, Каледины, Карауловы, Закавказский комиссариат отвернулся от революционной петроградской власти и вступил в фактический союз с Калединым и Карауловым. Эта политика внешне мотивировалась опасением комиссариата оставить Закавказье без хлеба, если он не будет действовать в «контакте» с контр-революционными правительствами Северн. Кавказа. Банкротство политики Закавказского комиссариата даже в отношении «хлеба» обнаружилась полностью, когда разгул контр-революции на Северном Кавказе, поддержанный морально и материально из Закавказья, привел к полному расстройству транспорта и невозможности доставлять в Закавказье какие-либо хлебные грузы.

Еще опаснее и вреднее была «внутренняя политика» Закавказского комиссариата. Отвернувшись от центральной Советской революционной власти в России и заключив союз с контр-революцией на Северном Кавказе, наши правители стали разрушать в Закавказье интернациональную Советскую власть и вступили на гибельный для нашего края путь активного национализма.

Номинально они об'явили себя Советской властью, чтобы удобнее было бороться с наступающим большевизмом, но на деле создали полновластные «национальные советы», в которых все руководство принадлежало дворянско-буржуазной интеллигенции и реакционному офицерству. Политика размежевания по национальностям внутри Закавказья, споры о национальных территориях, создание национальных полков и внесение тем самым раздора в братскую до того семью кавказской армии, все это—вместо единения демократии всех национальностей во имя великих и общих идеалов революции и социализма, создало атмосферу национального обособления вражды и подготовило почву для уже неизбежных национальных войн в Закавказье.

На ряду с национализмом в политике Закавказского комиссариата гибельную роль играла коалиционность последнего. Будучи сама в значительной части дворянской, грузинская меньшевистская интеллигенция легко вступила в открытый союз с феодальной интеллигенцией мусульман, с реакционными беками и ханами Елисаветпольской губернии. Результатом этого контр-революционного блока было то, что комиссариат не мог провести ни одного революционного мероприятия. Земельный закон, обещанный в первые же дни образования комиссариата, не мог быть издан в начале в виду угрозы беков—выставить «150.000 мусульманских штыков» против комиссариата. А впоследствии комиссариат, чтобы внешне выполнить данное обещание и спасти свой престиж, был вынужден совершить политический шантаж, издав такой закон о переходе земель к крестьянам, который никого ни к чему не обязывал и под которыми Ханы-Хойские могли охотно дать свои подписи. Это последнее они могли сделать тем охотнее, что сейчас вслед за фиктивным законом, изданным только для обмана народа, комиссариат издал продиктованный беками и грузинскими дворянами декрет о том, чтоб крестьяне, впредь до разрешения земельного вопроса учредительным собранием, вносили своим господам арендные и всякие другие платежи и при том непременно по кабальным ставкам 1916 года.

Результатом такой политики естественно должно быть торжество феодальной (бекской, ханской, княжеской, дворянской) и буржуазной контр-революции. И, с другой стороны, восстание отчаявшегося крестьянства против «революционной» и «социалистической» власти Закавказского комиссариата.

Наши дальновидные политики не хотели анархии на Северном Кавказе и создали своей политикой, своей борьбой против грозненского, владикавказского и других советов и гарнизонов полнейшую анархию и контр-революцию на Северном Кавказе. Они не хотели гражданской войны в Закавказье и сами создали такую гражданскую войну, перед которой в ужасе и жалком бессилии они опускают руки.

За два месяца правления господ Гегечкори, Хан-Хойских, вкупе с немыми свидетелями, а иногда и с соучастниками вопиющих преступлений власти—господами дашнакцаканами, мы имеем полное прекращение подвоза хлеба с Северного Кавказа, прекращение железно-дорожного сообщения между Баку и Тифлисом и разгул бекской контр-революции в Елисаветпольской губернии. И, с другой стороны, свирепое восстание мусульманских крестьян, истребляющих своих феодалов Елисаветпольской губернии, такое же восстание крестьян в Грузии, подвергающих самосуду своих князей.

Можно ли представить более печальные результаты, чем те, которых достигло «социалистическое» правительство Закавказья, предпочитающее Каледина—Ленину, Хас-Мамедовых—кавказским большевикам.

Прибавьте ко всему этому возмущение русских солдат, вызванное сепаратистской и националистической политикой комиссариата и его хамски-предательским отношением к кавказской армии.

В Москве 1909 года.

Эта политика и это предательское отношение способствовали быстрому оголению фронта, расхищению миллиардного богатства российской республики, находящегося на фронте, и создали еще более тяжелое положение на Кавказе.

Полмиллиона русских крестьян, одетых в солдатские шинели, вооруженных, преданных революции, которые могли оказать неоценимые услуги кавказскому крестьянству и пролетариату в их борьбе с контр-революционными элементами, были об'явлены ненужными «пришельцами», которых старались поскорее выжить из Кавказа. Мусульманские феодалы, союзники Гегечкори устроили им всем известные кровавые проводы в историческом отныне Шамхоре...

Ко всем затруднениям, созданным сепаратистской и националистической политикой комиссариата, прибавился денежный кризис, который на ряду с голодом, грозит в конец подорвать всю общественную и хозяйственную жизнь нашего несчастного края.

Какой же выход из этого ужасного тупика, в который мы загнаны политикой наших правящих партий.

Тот, на который мы указывали с'первого дня образования преступного Закавказского комиссариата.

Нужно покончить с сепаратизмом и национализмом! Нужно расторгнуть союз с контр-революционными правительствами Северного Кавказа и реакционными беками Елисаветпольской губернии.

Мы говорили и говорим—примайте власть рабоче-крестьянского правительства,—Совет народных комиссаров, созовите с'езд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и пусть организованные революционные классы создадут интернациональную и сильную авторитетную власть на Кавказе.

Вместо этого меньшевики и мусульманские беки создали так называемый «Закавказский Сейм».

Мы предупреждаем еще раз кавказскую демократию: очнитесь, пока не совсем поздно. Этот Сейм—эта политика сепаратизма и национализма, эта политика грузино-мусульманского дворянского блока поведет к гибели революции в Закавказье. *).

*) Эту статью т. Степан написал в феврале 18-го года. Бакинские рабочие из нее могут еще лишний раз убедиться насколько правильной была основная тактика нашей партии в 18 году, насколько пророческими были политический анализ т. Степана.

Физиономия новой власти.

8 августа в помещении Исполнительного Комитета [illegible] президиум [illegible] торжественно «высокочтимых гостей», представителей английского империализма. В «Бюллетенях» от 9 августа помещен отчет об этом приеме. Товарищам рабочим следует внимательно вчитаться в те речи, которые произносили «высокочтимые» г-да Садовский, Айолло, Мелик-Елчиан, Велуц и их «высокочтимый» гость Реджинальд Тит. Дюкс.

Г-н Садовский говорит в своем приветственном слове, что задачи новой власти не исчерпываются желанием защитить жизнь и достояние населения и спасти Баку для России.

Нет, — говорит он, — мы понимаем нашу задачу шире... Настало время борьбы России против брест-литовского мира, настал момент координации наших усилий с усилиями наших союзников на западном и итальянском фронтах. Для нас война на Апшеронском полуострове — вопрос международного масштаба.

Другой,—Мелик-Елчиян, говорит: «некоторые товарищи страшились, что если мы допустим англичан, мы вызовем этим европейскую войну. Но мы не останавливаемся перед этим, мы должны связаться с Англией и с Францией и вновь об'явить войну средневековым империям, чтобы избавиться от их ига».

Итак, товарищи рабочие, наша «новая» власть — в лице и меньшевика Садовского и дашнака Мелик-Елчиана открыто заявляет, что пригласила англичан не для того, чтобы спасти население от дикой расправы со стороны турок и не для того, чтобы спасти Баку для России, о чем и только о чем наивно думали вы на ваших митингах и в Совете рабочих депутатов, а для того, чтобы втянуть всю Россию в новую войну, вместе с Англией и Францией против Германии и Австрии.

Они ставят вам, бакинским рабочим, те политические цели, к которым стремились Гучковы, Милюковы, Керенские.

Известно, что рабоче-крестьянская Россия и на 4-м с'езде Советов и на состоявшемся недавно пятом с'езде решила всеми способами избегать возобновления войны с Германией. Рабоче-крестьянская Россия считает, что она еще не в силах начинать такую войну, что эта война привела бы ее к окончательной гибели. И пятый с'езд призывал к нейтральной политике в отношении обоих воюющих империалистических коалиций.

Так решают о себе рабочие и крестьяне России, а господа Садовские и Мелик-Елчианы здесь в Баку решают против воли Советской России, втянуть ее в новую гибельную войну.

Мы спрашиваем товарищей рабочих, этого-ли они добивались? Берут-ли бакинские рабочие ответственность на себя за шаги господ Садовских и Елчианов, с циничной откровенностью выступающих в роли лакеев Милюкова и Гучкова и англо-французских империалистов, желающих во что бы то ни стало, втянуть Россию в новую войну, которая в конец должна обессилить и погубить нашу и без того обессиленную и разоренную трехлетней войной страну? Бакинские рабочие вот уже почти 10 месяцев, как в своем громадном большинстве, вместе с флотилией, стоят за рабоче-крестьянскую революцию, за совет-

Степан заграницей.

Мои воспоминания о Степане Шаумяне относятся к началу девятисотых годов — времени совместного нашего пребывания в Германии и Швейцарии, где мы, учась у германских профессоров премудростям классической политической экономии, с неменьшим рвением штудировали теорию марксизма и знакомились с практикой научного социализма. Мы оба были вышвырнуты незадолго перед тем из храмов российской высшей науки,—кажется, Шаумян из рижского политехникума, я из киевского, — за горячее участие в студенческом «Sturm und Drang'е» того времени и еще больше за приверженность к тогда еще молодому российскому рабочему движению, пускавшему свои новые ростки под знаменем научного социализма. Словом, мы оба были выброшены на чужой берег, где нас спаяли на долгие годы не только общность научно-духовных интересов и складывающихся социальных идеалов, но и одинаковое прошлое «выброшенных за борт».

Я точно не помню, где произошло наше первое знакомство — в уютной-ли квартирке, занимаемой Степаном в Шарлоттенбурге, среди группы немецкой марксистской литературы, разбросанной повсюду—на столе, на полинялых мещанских креслах, без которых не обходится ни одна семья самого бедного германского рабочего, на высоких подоконниках, куда он спасал от цепких рученок своих малышей наиболее нужные в данный момент книги? Или мы познакомились в том локале, который в последующие годы нашего пребывания в Берлине стал неизменной ареной идейной борьбы, борьбы за влияние на берлинское русское студенчество — нас, приверженцев научного социализма и социал-демократов, с одной стороны, и народников-идеалистов всякой марки, от социалистов-революционеров до армянских дашнакцаканов и грузинских федералистов с другой? Но факт тот, что это первое знакомство сплало нас,—небольшую группу единомышленников социал-демократов, осевших в Берлине еще до Шаумяна,—с ним, только что перебравшимся из России в Германию. И уже с первых же встреч и столкновений наших почувствовалось, что небольшая группа социал-демократов кавказцев в Берлине признала в Степане вождя и лидера, признала молча и бесповоротно.

В мемуарной литературе и воспоминаниях не принято раскрывать имен лиц, еще не сошедших с арены жизни. Следуя этой традиции, я не хочу называть имена и ограничиваюсь инициалами. И я, и Т. И., Н., и Б. К.,—вся наша небольшая группа социал-демократов, осевшая заграницей раньше Шаумяна и тогда более искушенная в тонкостях марксистской теории, чем он, — мы все сразу поддались обаятельности личности Шаумяна. Обаятелен он был не только как общественный борец, но и в личной жизни, в личных отношениях. И едва-ли не главнейшим моментом его обаятельности была глубокая правдивость, выступавшая во всех его поступках, словах, жестах, движениях. Эта черта его натуры сразу завоевывала ему симпатии всех тех, кому приходилось когда-либо сталкиваться с ним, до самой его трагической гибели в зыбких песках «207-й» версты Средне-Азиатских железных дорог.

Два года берлинской «учебы» прошли в твердом усвоении теории научного социализма. Степану,—как и нам,—нужна была не только голая теория,—и не столько она, достаточно нам известная, сколько фактическое обоснование всех историко-экономических положений марксизма. И в этом отношении оказывал службу сослужил ему берлинский университет, где он записался на философский факультет, по отделению Staatswissenschaften (государственных наук), работая у профессоров Шмоллера, Вагнера, Лятрова и др. И я помню, как впоследствии, проработав два года в семинариях у этих корифеев германской экономической науки, он не раз повторял слова Бебеля, неизменного противника теории государственного социализма, сказанные им по адресу своего главного противника проф. Вагнера:

— «Беда наша в том, что и наши противники, как и мы, сильны и убедительны, будучи прекрасно вооружены историческим знанием»...

Шаумян любил повторять эти слова Бебеля, и не без основания. Задаваясь совершенно другими целями, чем свои университетские учителя, он, тем не менее, черпал из их лекций кладезь фактов и сведений историко-экономического характера и любовно заносил их в свою черную коленкоровую тетрадь, настолько толстую, что мы почему то называли ее «Zentrum»-ом, по названию наиболее жирной в германском рейхстаге буржуазной партии — католического центра, насчитывавшего в парламенте больше депутатов, чем социал-демократия.

Вообще, одно было характерно в методе научного усвоения Шаумяна: он гнался не за теориями и гипотезами, а за сырым материалом, за описаниями и цифрами, сейчас-же попадавшими в его «Zentrum». В марксистской литературе тогда ощущался сильный недостаток в этого рода работах, и я помню его радость, когда он набрел на книгу итальянского профессора-марксиста Лорна—«Экономические основы существующего общественного строя», богатую фактическим материалом. Так как в магазине «Vorwärts»'а, на Перусалимской ул., куда мы часто наведывались, не оказалось этой книги, он выписал ее от Дитца (социал-демократическое научное издательство) в Штутгарте, в двух экземплярах, один из которых с собственноручной надписью преподнес пишущему эти строки. (Экземпляр этот отдан мною в библиотеку бакинского университета).

Параллельно с научными занятиями Шаумян посвящал много времени публичным выступлениям и лекциям вождей германской социал-демократии — Бебеля, Зингера, Ледебура и др., неизменно присутствуя на них, в каких бы отдаленных пунктах Берлина они ни выступали (Нордэ, Трептове, Вильмерсдорфе). Выступления эти, носившие агитационный характер, в особенности в периоды предвыборной кампании в рейхстаг, не имели ничего общего с той революционной фразеологией, которую мы, россияне, обычно преподносили тогда на митингах рабочим. Степана это обстоятельство сильно радовало. Бебель обладал колоссальной памятью и его ораторский успех был обязан не только его неумолимой логике и железному слогу, но и богатому цифровому материалу, заключавшемуся в его речах. Шаумян учитывался этим материалом и хотел, чтобы российские товарищи усвоили ораторские методы германцев, но не французов, говорящих красиво и с жестами и бьющих больше на чувство. Как оратор, Бебель стоял для него выше Жореса.

К этому времени, 1902 году, относится знакомство Шаумяна с группой теоретиков левого крыла социал-демократии из «Die Neue Zeit»: с Карлом Каутским, Генрихом Куновым, Францем Мерингом и Эдуардом Фуксом. Только что просыпавшийся к жизни русский рабочий класс ознаменовал начало столетия титаническими выступлениями в Баку (где тогда работал покойный Богдан Кнунянц-Радин), Ростове (Темернике) и Донецком бассейне (где расправлял свои крылья Троцкий) и др. местах. Поэтому понятен был интерес германских социал-демократов к молодому русскому рабочему движению, в частности движению кавказскому, и к нам, апологетам его заграницей.

Знакомство и связь Степана и нашей группы с левым крылом начались с Каутского, которого мы посетили в его квартире в одном из предместий Берлина (кажется, в Вайсее или Шёнеберге). У нас, Степана, Б. И. и меня был и повод для такого посещения — предстояло издание его «Эрфуртской Программы» на армянском языке, и мы хотели предпослать этому переводу специальное предисловие Каутского, посвященное национальному вопросу и задачам социал-демократии в России. Наша миссия увенчалась успехом, и через неделю Каутский дал нам довольно об'емистую статью, впоследствии, в 1904 году, выпущенную особой брошюрой в Петербурге (К. Каутский — Национальный вопрос в Россия.Изд. Арабацзе),а до того пред посланную и армянскому переводу «Программы».

Вот, в одно из посещений Каутского, Степана осенила мысль: пользуясь весьма любезным отношением к нам Каутского и его супруги Минны Каутской (автора утопических романов),—он просил их ввести вас в круг единомышленников левого крыла германских социалистов, собиравшихся по четвергам в локале «Zukunft», около Ангальтского вокзала, на дружеские собеседования за кружкой пива. Каутский познакомил нас с Эдуардом Фуксом, писавшим тогда «Историю политической карикатуры» (известный автор 3-томной «Истории эротического искусства», имеющейся в переводе на русский язык), и возложил на Фукса обязанность ввести нас в круг завсегдатаев четвергов в «Zukunft»,е. Я не ошибусь, если скажу, что Степан,—не в пример мне и Б. И.—ревностно и аккуратно бывал на этих четвергах в течение целого года и, несмотря на свое сравнительно слабое знание немецкого языка, являлся там постоянным информатором о русском рабочем движении.

Оно и понятно. В те годы, когда только что стали складываться фракционные разногласия между большевиками и меньшевиками,—разногласия пока только организационного характера (как строить партию, снизу вверх или наоборот?), — берлинский комитет российской с.-д. рабочей партии принял всецело в этом споре сторону Ленина и стал большевистским. Многие из нас с тревогой смотрели на подготовляющийся раскол в партии и относились с неодобрением к тем товарищам, которые остро ставили и так-же разрешали вопросы, являвшиеся предметом спора. Степан же был одним из деятельных и непримиримых членов берлинского комитета. Мягкий, почти женственный по натуре, уступчивый в личных отношениях с людьми, — он внезапно раскрыл перед нами новую черту своего характера — твердость и крайнюю неуступчивость в вопросах общественного убеждения. Эта непоколебимость в защищаемых им положениях, по нашему, граничила у него с догматизмом, и термин «твердокаменный», которым тогда окрестили большевиков в партийных кругах, не раз относили мы и к нему. Вместе с Бах и Л—довым он занимал в берлинском комитете партии самые непримиримые позиции. Однако, от этого личная обаятельность его натуры ничуть не умалялась в глазах тех его товарищей, которые в вопросах организации и тактики расходились с ним и не желали быть «главкистами». В этот-же период, в 1902 году, начался уход из берлинского комитета партии, под влиянием Шаумяна и Бах, ставшего определенно большевистским, ряда рабочих, не одобрявших линии поведения «горы».

Но расхождение по обще-организационным и тактическим вопросам всероссийского масштаба не мешало нам, кавказцам, работать совместно с Шаумяном, над неотложными задачами, выдвигавшимися мощно развивавшимся тогда рабочим движением на Кавказе. С мест товарищи писали и требовали от нас книжек, людей. Ощущался острейший недостаток в грузинской и особенно армянской социал-демократической литературе. Богдан Кнунянц (Радин),—неистовый Роланд нашего дела, стоявший во главе бакинского движения,—бомбардировал нас в Берлине шифрованными письмами, требуя литературы. А нас заграницей было тогда мало, очень мало—всего с полдесятка социал-демократов на сотню националистически настроенной революционной интеллигенции, активной и деятельной.

Предстояла борьба с национально-революционной идеологией, чтобы в процессе борьбы собрать, умножить и организовать наши силы. Застрельщиком этой борьбы выступал Шаумян.

Надо было, прежде всего, достичь внутреннего единства взглядов среди армян социал-демократов, находившихся заграницей. В Женеве издавался Ер. Паляном, ближайшим другом и учеником Г. В. Плеханова, «Социалист», хорошо поставленный в вопросах теории и тактики орган. Но у Паляна была своя Ахиллесова пята. Борясь по всему фронту с народничеством и национально-революционной идеологией, он задавался целью организовать единую армянскую с.-д. рабочую партию, в которой организационно об'единились бы армяне-рабочие Кавказа, Турции, Персии, Америки, Египта и вообще всех стран, где есть армяне. Понятно, стремление к такому организационному единству было утопией, порожденной некоторым национальным уклоном «Социалиста». В Парижском Назарбеки, старый вождь партии «Гинчак», отошедший от нее, принявший с.-д. идеологию (к которой эта партия по общее была близка), но ставивший на первый план освобождение турецких армян от деспотии Абдул-Гамида. В наши ряды в Берлине вносил замешательство армянский бундовец Б. Ишхан (погибший в прошлом году в Порт-Саиде) — сторонник организационной самостоятельности армянской с.-д. партии, как «Бунд» был у евреев, как «Социал-демократия Польши и Литвы»—у поляков. А его длительный спор среди студенчества и работих сторонник Т. Г. действовал в Женеве.

Шаумяну предстояло об'единить все эти течения социал-демократической мысли, чтобы сплоченным фронтом повести борьбу с национально-революционной идеологией. В эту об'единительную работу были втянуты и видные вожди российской с.-д. партии, напр. Г. Плеханов, П. Аксельрод. Наша группа вела оживленную переписку с Парижем и Женевой, убеждая товарищей отказаться от организационных разногласий и войти в единую российскую рабочую партию. Вскоре Берлин стал центром не только об'единительной дискуссии, но и организации сил. Из всех университетских городов Германии и Австрии, где среди студенчества имелись элементы, сочувствующие нам, стали получаться сведения об организации ячеек и просьбы о том, чтобы кто-нибудь из нас приехал для публичного выступления против дашнакцаканов. Ныне всю значительность и трудность проделанной нами кампании могут постигнуть только те, кто в ту пору жили заграницей и воочию видели силу и влияние национальной идеологии. Пробить брешь, сломить эту толщу национально-революционной идеологии в ту пору было делом нелегким. И успехом своим работа эта, главным образом, обязана деятельности Шаумяна и его обаятельной личности.

В следующем, 1903 году, мы встаем Степана в Швейцарии. Жить в Берлине с семейством (жена, двое малышей, сестренка) на скудные средства, посылаемые с родины, стало не в мочуту и он должен был вывезти их на родину. Надо было знать Степана, его мягкий характер, граничащий с женственностью, его любовь к семье,—чтобы знать, какой тяжелой жертвой была для него разлука с женой и детьми. Оставив их на Кавказе, он возвращается в Женеву, временно бросая и университет и германскую науку, которую он столь высоко ценил. Здесь он всецело отдается партийной работе.

Возвратившись с летних каникул, проведенных на родине, в Берлин, я уже не застал Шаумяна там. Взамен мне было передано товарищами его письмо, в кото-

скую власть. Что же товарищи рабочие, товарищи матросы, вы теперь идете открыто против рабоче-крестьянской России? Разве вы отрекаетесь от нее сознательно и хотите силой против ее воли, втянуть ее в новую войну?

И характерно поведение партии «Дашнакцутюн». Еще вчера, на расширенном заседании Совдепа ее представитель Мелик-Еолчиан клялся в верности Советской России, уверял, что партия признает власть центральную советскую власть и подчиняется ей. А сегодня устами той же марионетки г-на Мелик-Еолчиана она делает такие заявления перед лицом английских империалистов. Что это, товарищи рабочие, и прежде всего мы спрашиваем армян-рабочих, доверяющих партии «Дашнакцутюн», — что это?—политическая партия или партия политических шарлатанов, партия лжецов и фарисеев?

II.

Лживость и фарисейство проявляют, впрочем, не одни дашнакцаканы. Рабочие знают, что буквально все партии высказывались и сейчас продолжают высказываться в своих выступлениях перед рабочими и в газетах за признание советской власти «на местах». Они кричали и кричат, что призывают англичан для спасения бакинской советской власти.

Прочтите, товарищи-рабочие, торжественные пространные речи представителей большевиков, правых эс-эров и дашнакцаканов Вр' Диктатуры Центрокаспия и поищите там хотя бы одного слова о Советах и советской власти.

Эти господа перед лицом англичан не осмелились даже заикнуться о советской власти. И не удивительно, что в декларации английского генерала Диксторвилл, напечатанной в том же номере «Бюллетеня» от 9 августа, говорится, что великобританское правительство заключило соглашение с Вр. Диктатурой Центрокаспия и с войсками Бичерахова и ни словом не упоминается президиум Исполнит. Комитета. Последний ведь мнит себя властью! Почему господа Садовские и Велунцы не предложили внести маленькую «поправочку» в декларацию и упомянуть об Исполн. Комитете, как о договаривающейся стороне, как о существующей власти?

Пусть товарищи рабочие задумаются над этими вопросами. Мы говорим: четыре оратора на приеме англичан не посмели заикнуться о советской власти потому, что им этого не позволили бы англичане—злейшие враги советской власти, не заикнулись и потому, что сами ораторы и их партии не признают никакой советской власти, они сами враги советской власти, они уже похоронили в Баку советскую власть.

Они только для обмана рабочих, которые действительно стоят за советскую власть, — говорят о своем признании советов... «на местах». Они лгут, лицемерят об этом. И лучшим доказательством этого является не только речь ораторов на приеме англичан, не только декларация английского генерала, но и вся деятельность новой власти за десять дней ее существования, которая упразднила уже самоуправление рабочих и крестьянских [illegible] дашнаков, правых эс-эров, меньшевиков и командного состава флотилии — уже разоблачила себя, как власть, отколовшая бакинский пролетариат от Советской России, желающая в угоду английским империалистам втянуть ее в новую войну; как власть, не смеющая говорить о советск. власти в Баку, уже предавшая эту власть англичанам и их наемнику Бичерахову.

Эта власть уже — сбросила с себя маску.

III.

При этих условиях, что могут делать сейчас в Баку партии, которые не на словах, а на деле стоят за связь с Великой Российской Республикой и за советскую власть. Что делать истинным советским войскам, что делать отряду Петрова, приехавшему за несколько тысяч верст, чтобы помочь бакинскому пролетариату отстаивать свою советскую власть, отстаивать Баку для России? Мы спрашиваем, что им делать? Неужели перейти в ряды предателей и бороться рядом с английскими войсками во славу английского империализма и для втягивания России в новую империалистическую бойню. Ни в коем случае! Бакин. пролетариат и каспийск. воен. флотилия введены в заблуждение агитацией английского наемника Бичерахова, обманувшего наше доверие

С другой стороны, пролетариат был поставлен, вместе с нами, в безвыходное положение, благодаря предательскому поведению партии «дашнакцутюн» и агитации контр-революционного командного состава Аветисовых, Арутюновых и др.

В результате — преступное соглашение с английскими империалистами...

Пока это соглашение существует, пока бакинские рабочие и матросы предпочитают английских империалистов российским советским партиям и советским военным силам, — до тех пор они тем самым выбрасывают эти войска из своих рядов. Они вынуждают их отряхнуть пыль от предателей и изменников российской советской власти.

Да, мы не теряем еще надежды, что бакинские рабочие и матросы отрекутся. Мы не теряем надежды, что революционная Советская Россия, если и вынуждена будет временно уйти, — она еще придет в Баку!

Придет не для того, чтобы признать хозяевами Баку германо-турок или англичан, а для того, чтобы изгнать отсюда и тех и других, для того, чтобы восстановить единство Баку с Россией и утвердить вновь и здесь и, быть может, во всем Закавказье советскую, рабоче-крестьянскую, социалистическую власть.

Мы не теряем надежды, что это еще будет.

Бесчестные клеветники.

В дикой травле против Народных Комиссаров очутившиеся у власти хамы-дашнакцаканы, правые эс-эры и ожившие мертвецы меньшевики потеряли всякое самообладание. Их газеты жирным шрифтом возвестили, что приехал германский штаб, который искал будто-бы в Баку турецкий штаб. С этим германским штабом приехал официальный представитель центральной власти с письмом от Ленина на имя Шаумяна.

Измена на лицо—кричат идиоты публично, официально. А на другой день их следственная комиссия освободила из под ареста представителя центральной власти, выдав ему бумагу в том, что ничего предосудительного у него не найдено. Выясняется, что это не германский штаб, а комиссия по делам военно-пленных, которая месяц тому назад была уже здесь и уехала.

Выясняется, что никакого письма от Ленина Шаумяну не было. Было официальное сопроводительное письмо от центральной комиссии военно-пленных об отправке пленных из Баку в Москву для обмена на русских военно-пленных. А на счет того, будто приехавшие искали турецкий штаб, кто-то кому-то наплетничал, и неизвестно даже кто именно и кому. На вопрос, почему же официоз, не говоря о других газетах, придал такой характер факту приезда комиссии—представитель новой власти ответил, что это вина редакции и она будет привлечена к ответственности. Вот, с позволения сказать, какая сволочь заседает в редакциях «правящих» партий. Они кричат об открытой измене, о документах, будто-бы уличащих нас, не имея ровно никаких оснований даже для заподозревания.

Другой факт—телеграмма Салько на имя Доссера. В ней говорится о решении Бакинского Совдепа, принятом в ожидании немцев, и указывается, что Ленин предлагает в решительную минуту то постановление, которое было принято «в ожидании немцев» провести в жизнь и в новой обстановке, т. е. в ожидании англичан. Телеграмма Салько не может быть понятна для всякого рабочего, но она понятна для лидеров партии дашнакцутюн, газета которых «Виграт» особенно бесстыдно клевещет на нас по поводу этой телеграммы. Если эта телеграмма непонятна для всякого и может ввести в заблуждение многих, то во всяком случае,—мы называем прямо,—лидеры партии дашнакцутюн: Араратян, Гюльханданян, Зорян—прекрасно знают, в чем дело и если они не выступают с протестом против бесстыдной клеветы их газеты, то они являются соучастниками этой клеветы.

И вот два аргумента—немецкая комиссия и телеграммы Салько—и доказано, что Бакинский Совнарком совместно с Лениным хотели продать Баку немцам.

Сколько нужно иметь личной подлости руководителям новой политики, чтобы сделать такие выводы. Бакинский Совнарком направился в сторону Кюрдамира в тот момент, когда нам сообщили, что немецкие войска через Тифлис идут против Баку. Мы об'явили войну именно германо-туркам. Ленин требовал от нас принять все меры, чтобы в случае занятия немцами Баку они не могли получить здесь нефтяных запасов. Бакинский Совет на одном из своих заседаний вынес по моему предложению резолюцию—уничтожить всю нефтяную промышленность, но не сдавать ее немцам. В связи с этим распространяли во флоте слух, будто мы качали по керосинопроводу нефть для немцев. Это в то время, когда именно по моему распоряжению за месяц если не больше до событий разобрана керосинопроводная линия, убраны Дизеля и сложены уже на пароход, так что если противник возьмет город, он в течении шести месяцев (по заявлению специалистов) не сможет пользоваться керосинопроводом и перекачивать себе нефть.

Это все прекрасно известно лидерам правящих сейчас партий, которым я чинил собственноручные письма Ленина и Сталина по этому вопросу и которым были поручены ответственные работы по подготовке к проведению в жизнь этих мероприятий. И эти люди теперь бесстыдно клевещут или бесстыдно молчат, когда их товарищи клевещут.

О, дашнакцаканам очень выгодно клеветать на нас! Мы указали на их решение выкинуть белый флаг и сдать город туркам. Они не смеют опровергать фактов, ибо сотни людей знают это досконально! Но, чтобы ввести в заблуждение широкие массы населения, они выдумывают эту наглую ложь про нас, будто мы хотели сдать город. Партия, прибегающая к таким подлым мерам для оправдания себя, это не революционная партия, а партия бессчетных клеветников.

Это касается не только партии дашнакцутюн, но и правых эс-эров и меньшевиков. Да, господа, в тяжелую историческую минуту,—вы могли путем предательства и обмана сбить с толку рабочие массы, но продержаться клеветой и обманом вы долго не сможете. И чем преступнее ваш обман в настоящем, тем строже будет суд рабочих над вами в будущем. Клеймо бесчестных клеветников во всяком случае не сможете с ваших лбов, как не смыли этого клейма те, кто после июльских событий клеветали на Ленина, Троцкого, Луначарского, загоняли их в тюрьмы и подполье. Ведь и тогда большая часть рабочих была введена клеветниками в заблуждение.

P. S. Газета дашнакцаканов особенно старается натравить на меня лично темные заблужденные массы и добиться самосуда надо мною. Это нетрудное дело. Это может быть удастся вам, но это не поможет вам, господа. Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас чем самосуд толпы, к которому вы призываете.

Шаумян.

Арсен Амиров.

(Редактор газеты «Бак. Рабочий» в 1918 г.)

А. Амирова я знал с 1904 года, когда он, тогда еще студент 1-го курса Киевского университета, активно участвовал в студенческом движении, приезжая на Кавказ, принимал участие в ученических организациях Баку и писал в армянской периодической печати.

В настоящей заметке я хотел бы передать несколько штрихов из его личной жизни и дать некоторые воспоминания из его работы в Баку за время большевистской власти в 1917—18 году.

Редко можно найти такого человека с своеобразными «чудаковскими» чертами в личной жизни, как это бывало у Арсена. Будучи по природе молчаливым, скрытным, вдумчивым и воспринимающим глубоко все, но не выявляющим это внешне, он был чужим у себя в семье. По отношению к товарищам он проявлял редкую искренность и чуткость, но это проявлялось иногда в такой резкой, порою грубой форме, что многих не понявших его, отталкивало. Вел он весьма простой подчас аскетический образ жизни, несмотря на то, что по семейному положению был сравнительно обеспеченным человеком.

В практической жизни он был беспомощный человек. «Служил» в жизни только раз в каком то акцизном управлении от Совета С'езда нефтепромышленников. Не имея никакого влечения к этой работе, он заходил туда на час, для того, чтобы подсчитать количество отправленных цистерн керосина. Личной жизни он почти не имел.

Переходя к его работе за последний период до падения Сов. власти в Баку в 1918 году в качестве редактора газеты «Бакинский Рабочий», можно сказать следующее. По природе своей он был журналистом (публицистом), он не был ни организатором, ни пропагандистом-агитатором, его трибуна была газета и ни разу он не покидал эту трибуну, и ни на что не желал променять ее.

После перехода власти в наши руки он в качестве редактора официального органа Бакинского Комитета должен был разобраться в сложных условиях бакинской жизни и дать правильную политическую оценку совершающихся в Баку событий. Если товарищи перелистают «Бакинский Рабочий» за этот период, они найдут шедевры публицистики в виде его передовых статей. Прочтите статью, написанную по поводу знаменитого исторического заседания Бакинского Совета, когда тов. Шаумян делал доклад о внешней и внутренней политике и в порядке дня был вопрос о приглашении англичан. В этой статье вы почувствуете как глубоко он переживал тогдашние Бакинские события. Часто Арсен не соглашался во многих вопросах с тогдашней нашей Бакинской организацией и был в оппозиции, как бы составляя с некоторыми товарищами «левое крыло».

Вы встретите в «Бакинском Рабочем» резкие статьи по адресу азербайджанского Совнаркома, несмотря на то, что они подчас были даже не удобны со стороны официального партийного органа. По Степан всегда прощал Арсену, зная его, как редкого работника.

Арсен был несогласен с Степаном в его политике лавирования между националистическими партиями мусаватистов и дашнаков, он был не согласен с умеренной политикой по отношению к эс-эрам и меньшевикам. Арсен хорошо знал все Кавказские политические партии не только в их историческом развитии, но и знал лично руководителей; это подсказывало ему правильную оценку боровшихся против Советской власти сил.

Известно какой популярностью пользовался «Бакинский Рабочий» среди промысловых рабочих. Это была своя рабочая газета, ставшая такой, конечно, благодаря только Арсену.

На партийных собраниях он не выступал, он говорил плохо, но все партийные товарищи его знали и любили.

Дать полную характеристику Арсена и его политической работы за этот период можно путем издания отдельным выпуском всех его статей, напечатанных в «Бакинском Рабочем». Это издание было бы и историческим материалом для изучения истории Бакинского Совета.

А сейчас в 4-ую годовщину гибели славного, незабвенного борца за рабочее дело Арсена лучшим для него памятником является газета «Бакинский Работчий», свято хранящая свои старые боевые традиции.

Тифлис, 10-го сентября.

Нечаянные строки.

Имя тов. Амирьяна связано с нашей партией только с 1910 года, когда он сошел с своих идейных [illegible] революционеров и примкнул к нашей бакинской организации. [illegible] Амирьян был известен в армянской действительности, как смелый противник дашнакцаканов.

Весною 1906 года т. Амирьян, до того ярый дашнакцакан, выступил с разоблачительной брошюрой «Пора очнуться» против Дашнакцутюн. В этой известной брошюре т. Амирьян очень резко критикует нравы Дашнакцутюн, его шовинизм, его кровавую политику 1905-6 годов. Не порывая с национально - демократической идеей дашнакцаканов т. Амирьян призывал «честных революционеров» дашнакцаканов к «старым боевым традициям» партии. Он предлагал реформировать партию в социалистическом направлении. Брошюра эта подняла большой шум в националистическом болоте Дашнакцутюн.

Через год т. Амирьян выступил с новой брошюрой («Кризис Дашнакцутюн»), где более определенно и без романтического преклонения перед традициями партии, вскрывает язвы разлагающейся партии Дашнакцутюн. Эта и предыдущая брошюры стали идейным основанием для группы молодых дашнаков, главным образом бакинских, в их борьбе против кровавого режима партии. Вскоре эта группа отколовшись от Дашнакцутюн под названием «анжатаканы» («отколисты») и образовала армянскую секцию с.-р.

Но недолго оставался т. Амирьян в рядах эс-эров. Их беспочвенность в Закавказьи и теоретическая путаница оттолкнули пытливого и «почвенного» Амирьяна от них и он перешел в лагерь марксистов. Это было в 1910 году, с какого времени тов. Амирьян всецело слился с нашей партией и ее работой.

Будучи незаурядным журналистом, тов. Амирьян в годы войны сотрудничал в армянской марксистской (пораженческой) газете «Пайкар» (издавалась в Тифлисе с декабря 1915 г.), где он поместил ряд блестящих статей (под псевдонимом «Амирян») против националистического угара и подлой империалистической политики армянской буржуазии по отношению к турецким армянам. Особенно яростно тов. Амирьян бичевал лакейскую природу армянской интеллигенции. От его метких стрел попадало и недавним друзьям его—Левону Атабекьяну («отколист» эс-эр) и другим.

Революция застала тов. Амирьяна в Баку. Здесь он и остался работать в качестве ответственного редактора органа большевиков «Бакинский Рабочий». С этого боевого поста он был снят бакинскими социал-предателями, от рук которых и погиб в группе 26.

Частное, благородное имя «неистового Арсена» останется дорогим воспоминанием для бакинского и Закавказского пролетариата, к которому пришел он на помощь и, раскаявшийся и озлобленный провав всякого рода национализма.

Р. Маркарян

ром он настаивал на моем переезде в Швейцарию. Он писал, что, пожив лето на Кавказе, пришел к убеждению, что большим тормазом для работы в рабочих массах Закавказья является отсутствие социал-демократической литературы на армянском и грузинском языках. Что нужны как популярные книжки для рабочих, так и работы теоретического содержания —для тех слоев туземной интеллигенции, которые не владеют в достаточной степени русским языком. Что в этом направлении в Женеве предпринято кое-что и чтобы я захватил с собою начало перевода «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса, предпринятого мною в 1902 году и незаконченного.

В Женеву я поехал, однако, только весною и застал Степана в гуще партийной жизни. При центральном комитете р. с.-д. рабочей партии была организована «Комиссия по изданию социал-демократической литературы на армянском и грузинском языках». Деятельными членами этой комиссии были Шаумян, Н. Жордания, А. Э., Жорж-ни. Был кооптирован и я. Большевики и меньшевики работали в этой комиссии дружно, рука об руку. Яростно отстаивая в организационных и тактических вопросах свои позиции, Степан, тем не менее, понимал, что в такой элементарной работе, как социалистическое просвещение темных рабочих масс, у всех членов комиссии может и должен быть общий язык. Как живых, вижу я теперь перед собою склоненные над кассами шрифтов, рядом с наборщиками, головы Степана и Жордания, в маленькой типографии на Rue de Contrescarpe, где печатались Искра и мы. Или на Rosérie, в квартире Ж., где собиралась наша комиссия... А по вечерам, когда в женевском Hall-е многотысячная аудитория слушала доклады Плеханова или Ленина об острых тактических разногласиях, мы опять превращались в ярых противников—тогда сверкали глаза Степана, и страстно лились его полемические речи против «мягкотелых» меньшевиков. Тут мы жили раздельной партийной жизнью...

К концу лета, когда нами совместно был закончен перевод «Коммунистического Манифеста» и изданы кое-какие вещи агитационного характера, Степан почувствовал себя настолько скверно, что жена Плеханова,—популярная тоща в Женеве врач,—посоветовала ему уехать на отдых. Доконала его, главным образом, неврастения—результат скитальчества, сквернопитания и переутомления. В конце августа он уехал из Женевы в какой-то Киевловский санаторий около Франкфурта на-Майне.

Работу в комиссии продолжали оставшиеся члены: Жордания, А. Е. и я. Нам приходилось и писать и переводить, быть и наборщиками, и экспедиторами. За время существования «Комиссии» были изданы, параллельно на грузинском и армянском языках, следующие вещи: «Коммунистический Манифест»—Маркса-Энгельса, «Труд и Капитал»—Маркса, «Происхождение семьи, собственности и государства» —Энгельса, «Чего хотят социал-демократы»?—Геда и Лафарга, «Группа освобождения труда»—Плеханова, «Рабочее дело» —Мартова, «Кто чем живет»—Дижитейна, «Программа российской с.-д. рабочей партии», «Профессиональные союзы»—Шиппеля и много др. Большая часть наших изданий транспортировалась нелегальным путем, через Австрию, в Россию. Но мы регулярно снабжали также все университетские города Европы, где имелись армяне и грузины-студенты, и здесь должно быть отмечено, что эти издания сыграли большую роль в деле сформирования с.-д. кружков, вскоре об'единившихся на общей конференции в внушительную организацию, противостоявшую комитетам федералистов и дашнакцаканов.

В своих письмах из санатория Степан, высказывая удовлетворение достигнутыми нами среди интеллигенции успехами, советовал, однако, центр тяжести издательства перенести на агитационную литературу, нужную для работы среди рабочих. Первые две партии изданий «Комиссии» дошли до Баку и Тифлиса, и местные товарищи тоже указывали на необходимость этого. Между прочим, переноску третьей партии, уже исключительно агитационных книжек, взял на себя Камо, беззаветно преданный интересам партии товарищ из Тифлиса. Он благополучно провез литературу через границу, довез до Тифлиса, но попался с нею у самих дверей своей квартиры в Петхаинском переулке. Когда известие об этом было сообщено Степану, он не высказал ни малейшего беспокойства за судьбу Камо, сказав:

— Ну, он вылезет из воды сухим...

Из Киейловского санатория Шаумян возвратился в Берлин значительно подкрепившимся. От неврастении и головных болей он избавился. С жаром он вновь принялся за университетские занятия. В этот год он слушал, по сохранившимся у меня записям, следующие курсы: у Вагнера—Внешнюю торговую политику, у Вебера—Германия, как индустриальное государство, у Знаменя—Социология, как учение о формах общества, у Лассона—Учение Гегеля и у Шмоллера—Об экономическом и правовом положении современного рабочего класса.

Это был год наиболее продуктивной и лихорадочно-протекавшей умственной работы для Шаумяна. Семья с ним уже не было, и это давало ему возможность всецело отдаваться работе. Вставал он рано, начиная заниматься уже с 6 час. утра. Потом, до 2-х часов дня, проводил на лекциях. Обедал Шаумян большей частью вместе с нами, и третьим членом нашей компании был Иш. Так как наши финансы были обычно весьма скудны, то питались мы в одном из бесчисленных отделений «Аншлагера». Отношение его к деньгам было самое безалаберное, и мы часто прибегали к помощи кошелька Иш. Но нам горя от этого было мало.

В этом году Шаумян был наиболее видной фигурой в известной части берлинской эмигрантской колонии. Текущая практическая работа в партии его, конечно, не удовлетворяла и он углубился в изучение германского движения. Связь с левым крылом германской социал-демократии уже была установлена им с 3-го года и оказалась чрезвычайно плодотворной в деле укрепления его тактических взглядов. Теперь он искал случая сойтись поближе с деятелями правого крыла—бернштейнианцами, группировавшимися вокруг журнала «Socialistishe Monatshefte» («Социалистические Ежемесячники»), чтобы непосредственно познакомиться и с их теоретически-тактическими особенностями. Первое знакомство Шаумяна с публицистами и деятелями этой группы произошло на маскараде «Zukunfstaat» (Государство будущего»), устроенном на Масленице редакцией «Ежемесячников» для семей своих сотрудников и сторонников. Но как-то случилось так, что мы попали на это увеселение и Шаумян завязал там знакомства с Давидом, Зюдекумом, Лигеном и известным естествоиспытателем и социалистом Вильгельмом Больше. Степан не был аскетом и всегда с под'емом говорил о том, как германские товарищи умеют сочетать служение классовому делу с здоровой, бьющей ключем личной жизнью.

Вообще, Германия и германское движение наложили неизгладимый отпечаток на мировоззрение и характер Шаумяна. Народнический аскетизм русских революционеров был ему не по душе. Его идеалом было высоко-развитое промышленное общество и классовая борьба пролетариата против такого общества. Он ценил пролетариат крупной индустрии, за его естественное единство интересов, сплоченность и дисциплинированность, и не раз говорил с горечью о малочисленности и отсталости рабочих Кавказа...

В тот год, канун первой революции, заграничные представители русской социал-демократии переживали какую-то сплошную экзальтацию. Рабочее движение в России ширилось и углублялось. Давали знать себя последствия позорной японской кампании, в течение которой Степан был вполне определившимся «пораженцем». Впрочем, в японскую войну пораженцами были все, даже легальная оппозиция либералов и «Освобождения» Струве. Но «пораженчество» у Степана было глубже, выстраданнее; оно было логической частью его марксистского революционного мировоззрения, долгом и позицией всякого революционного социал-демократа во всякой капиталистической войне. Тогда еще трудно было мечтать, что капиталистическую войну возможно через каких-нибудь десять лет превратить в войну гражданскую. Поэтому Степан перенес свое «пораженчество» через десятилетие и к началу европейской бойни 14—18 г.г., также мечтал о поражении России в столкновении с капиталистической Германией, боясь, что победа ее установит и упрочит на долгие годы самодержавие в России и реакцию в Европе.

В вопросах тактики квиетический марксизм он отвергал всецело. Он не был из тех, которые всецело полагаются на исторический процесс, на то, что развитие капиталистической экономики само собою приведет к водворению социализма на земле. «Рабочая партия,—не раз повторял он, —не должна плестись в хвосте истории, а должна действенно влиять на ее ход. Ждать завоевания парламентского большинства было бы смешно. В тот момент, когда это большинство образуется или будет накануне образования, правящая буржуазия совершит coup d'état и отбросит принцип парламентаризма, как противоречащий ее реальным интересам. Поэтому партия рабочего класса обязана предвосхитить события и пользоваться всеми методами борьбы. Если даже экономические отношения в данной стране не совсем созрели для социалистической революции,— в известные моменты мы должны быть готовы взять, путем восстания, всеобщей стачки и пр., власть в свои руки и быстро перестроить общество»... (Цитирую на память из его реферата «Наши тактические разногласия», многократно читавшегося им в студенческих и партийных кружках).

Этой концепции он держался до конца дней своих, оправдал ее своею смертью. Еще важно то, что эта формула коммунистической тактики «в известные моменты» сорвала в нем зародыш,—за 13 лет,—до Октябрьской революции. И это, конечно, дало ему право занять место в рядах вождей Октября.

В течение ряда лет ходила по рукам рукописная брошюра Шаумяна «Национальный вопрос и социал-демократия»,—синяя тетрадь, страниц в 40, которую в последний раз я видел в Тифлисе, в 1905 году, в редакции грузинской «Пролетариатис Брдзола». («Борьба пролетариата»). Погибла она или находится у родных Степана, —я не знаю. Не раз говорил он мне о своем желании видеть эту работу изданной—в те дни, когда мы вторично редактировали в Тифлисе армянский перевод «Коммунистического Манифеста». (Перевод в этом 2-м издании, напечатанном нелегально в Баку, и сейчас имеется у меня). Но условия нелегального издательства так и не дали возможности «Национальному вопросу и социал-демократии» выйти из-под печатного станка.

В этой работе, написанной еще в годы пребывания заграницей и каждый год старательно дополнявшейся им, заключается квинт-эссенция тактики современного коммунизма на Кавказе. В ней ясно и твердо очерчена тактика партии рабочего класса в межнациональных вопросах кавказских народов, как понимал ее Степан. Это—и изложение тактических принципов марксизма в национальном вопросе, и анализ такой конкретной проблемы, как межнациональный вопрос в тогдашней кавказской действительности, и едкий памфлет против армянских национально-революционных партий, в частности против партии «Дашнакцутюн», пользовавшейся тогда большим успехом. И вот, я вспоминаю об этой работе Степана с тою целью, чтобы вкратце изложить взгляды его на самый проклятый вопрос кавказской действительности в последние два-три десятилетия.

Национальную идеологию он, конечно, отвергал и видел в ней сподручное средство буржуазии для народа, для рабоче-крестьянских масс. Движение «Дашнакцутюн»'а в пользу освобождения турецких армян он считал вредным, во-первых, отвлекающим внимание армянского рабочего класса от несравненно более важной задачи—борьбы с русским царизмом и буржуазией, во-вторых, и не достигающим своей цели, так как, по его мнению, это было не естественным движением самих турецко-армянских народных масс против турецкой деспотии, а принесенным в Турцию извне, с Кавказа, усилиями национально-романтически настроенной кавказско-армянской интеллигенции. «Это—сионизм, только революционно-окрашенный и далеко не такой мирный»,—говаривал он. Далее Степан был глубоко убежден в том, что это национальное движение армян мешает взаимному пониманию и солидарности кавказских народов, в частности, армян и мусульман. Он не видел, наконец, самой турецко-армянской массы в этом движении и, как марксист, считал, что всякое не-массовое движение обречено на неуспех и гибель. Это была довольно стройная система взглядов, великолепная схема, по которой велась вся десятилетняя агитация армян социал-демократов против «Дашнакцутюна». И надо отметить здесь одно: за эту схему Степан заслужил на долгие годы личную ненависть националистических кругов и их вождей. Держался он ее все время, вплоть до 1918 года, когда был назначен российским Совнаркомом на пост комиссара Закавказья. Последнее обстоятельство я подчеркиваю потому, что в связи с этим назначением в националистических кругах Закавказья—среди мусаватистов и грузинских федералистов—поднялся вой по поводу национальных якобы тенденций у Степана Шаумяна, а вой этот подогревал и армянских националистов, желавших видеть в Шаумяне «своего». Как жестоко ошибались и те и другие.

Таков был Степан Шаумян в вопросах политической борьбы, тактики социализма и в национальной проблеме. Неумолимое время стерло многое, что я мог бы еще сказать о нем, из моей памяти...

Последний раз я видел его в мартовские дни 1918 года. Год перед тем, в феврале 1917-го, сейчас же после падения царизма, он приехал в Баку из Астрахани, куда он был выслан в 1916 году из Баку царским правительством. Собственно, тот год путь его лежал далеко, он должен был следовать, по постановлению тогдашнего наместника Кавказа Воронцова-Дашкова, этапным порядком в Сибирь, но хлопоты некоторых его друзей (д-ра Т.-М. и пишущего эти воспоминания) через влиятельных в административных кругах лиц перед властью имущими достигли того, что ему разрешили «свободно» выехать в Астрахань и жить там под надзором полиции.

Мемуарная литература о молодых годах вождя кавказского пролетариата очень скудна, в особенности о том периоде его жизни, когда он складывался, как революционный социал-демократ и коммунист. Поэтому,—как бы ни были бледны мои воспоминания,—я решаюсь выступить с ними на страницах «Бакинского Рабочего» в день 4-ой годовщины Закаспийской трагедии, когда траурные знамена вновь склонятся над его могилой —и братской могилой еще 25-ти—на Площади Свободы...

—ЧАР.—

Из архивов.

Письмо в Москву*).

Дорогие товарищи!

Пишу в исключительной, совершенно изменившейся обстановке. Уже двадцать дней, как свергнута наша власть. В минуту, когда я пишу это письмо, все наши лидеры, все передовые товарищи арестованы, в том числе и т.т. Шаумян, Джапаридзе, Корганов и другие. Вследствие этого информировать вас о положении дел в Баку приходится мне.

Прилагая при сем полные комплекты местных газет за время переворота, я постараюсь вкратце и в общих чертах обрисовать картину нашего падения, причины, сущность создавшейся новой власти и наше политическое положение у нас.

Для того, чтобы правильно понимать ход событий в Баку, нужно не упускать из виду, что в дни нашего торжества даже в Совете депутатов из 240 членов, коммунистов числилось всего менее 80 человек, но фактически было 58 членов фракции. В другом месте и в других условиях фракция, имеющая менее четверти членов Совета, не смогла бы захватить власть в свои руки. Однако, благодаря тому, что в Баку масса непримиримых и взаимно исключающих партийных и национальных группировок, нашей партии, как идейно выдержанной, стойкой и богатой видными борцами работниками, удалось очутиться у власти, лавируя и опираясь то на одну, то на другую национальную или иную группировку, находясь почти в постоянном блоке с партией левых эс-эров, которая, хотя и насчитывала в Совете членов не меньше, чем мы, но очень молодая, нестойкая, почти не имеющая руководителей, сколько-нибудь опытных, известных в рабочих массах и пользующихся их доверием работников. В силу сложившихся, таким образом, условий мы вынуждены были после гражданской войны в самом Баку и начала войны с турками на Кавказском фронте, опираться на армянскую партию «Дашнакцутюн» и армянские народные массы, из среды которых вербовались почти все красноармейцы, 80 или 90 процентов всей Кавказской Красной армии.

Англофильская политика партии «Дашнакцутюн» и зависимость ее от английских империалистов были известны нам давно. Они задолго до начала военных действий требовали и настаивали на заключении союза с англичанами и приглашали их на бакинский фронт. Покуда мы продвигались вперед, ожидалась серьезная помощь из России и была надежда справиться с противником собственными силами, дашнакцаканы открыто не выступали против нас, не нападали за не-приглашение англичан. Но как только пошлась, хотя и не очень большая, сила у противника и началось отступление (в нем больше всего был виноват дашнакский командный состав), дашнаки заговорили языком действительного противника, видя себе опорой Бичераховский, нанятый англичанами, отряд. Правые партии, заключив союз с флотом, повели сильную агитацию за англичан, всячески запугивая обывателей и преувеличивая английскую помощь. Одновременно, когда противник подошел к городу вплотную, все правые партии, дашнаки и Бичерахов проявили невероятный саботаж, не выставляя на позиции своих солдат, а снимая их с позиции, стараясь всячески доказать нашу неспособность оборонять город и, таким образом, сделать необходимым приглашение англичан. Это им удалось. В рабочих говорил обывательский страх за свою шкуру и почти все они, кроме членов левых партий, единодушно требовали приглашения англичан. Наилучшим выражением действительного настроения рабочих (не обывателей) явился результат ряда больше десяти) митингов, устроенных нашей партией 25 июля, где из многочисленной массы голосов мы получили не больше нескольких десятков. На следующий день, 25-го июля, на чрезвычайном заседании Совета резолюция за приглашение англичан получила 259 голосов (против 236), и мы оказались в меньшинстве. Резолюция, удрученная результатом состоявшихся митингов, большинством голосов просила Совету народных комиссаров подать в отставку, что было сделано в конце заседания в виде декларации. В то же время Бичераховские части, а также ушедшие с позиций армянские части были в полной готовности, занимали необходимые позиции для насильственного переворота. Мало, это не было сделано, может быть, потому, что испугались наших сил и бронов, или же после решения Совета и ставки надеялись на мирное разрешение вопроса. Но все-таки Бичераховские части демонстрировали два дня по городу. Совнарком, несмотря на формальную «парламентскую» (!) отставку, по мнению нашей парт. конференции, оставался еще у власти, но не развивал бурной энергичной деятельности, что трудно, осажденным положением города, где противник находился в 20 верстах. Не останавливаясь на фактическом переходе власти из наших рук в руки прочих, ссылаюсь на воззвание Бакинского Комитета нашей партии от 5-го августа о событиях и перевороте 31 июля и 1-го августа (это воззвание прилагаю при сем).

После того, как наша партия уступила власть без всякого сопротивления, безо всякого боя, «парламентским» (!) путем и эвакуировалась на пароходы, мы попали в сложное и неловкое положение, когда в городе нет у нас власти, нас арестовывают, но и из пристани не выпускают, держат как бы в вооруженном плену. Все наши силы (отряд Петрова и местные части) расположились вооруженным лагерем на Петровской пристани и площади, наводя страх на наших противников. Одновременно, пока еще не прибыли англичане, а турки грозили городу, отряд Петрова принимал активное участие в обороне, этим самым подняв значительно наш авторитет в глазах обывателей. Не говоря о репрессиях, арестах, гонениях и о том, какой поток лжи, клеветы был пущен в ход нашими противниками, какая травля была начата против нас, с обвинением нас во всех земных грехах с открытыми призывами к самосуду над нами. Об этом вы составите себе полное представление, просмотрев все №№ «Бюллетеней», «Искры» и «Вперед» (все эти №№ при сем прилагаются). Мы потребовали свободного пропуска тов. С. Шаумяну, как представителю центральной власти, «власть» отказала, предлагая всему составу Совнаркома выехать. Но, как потом выяснилось, это было сделано с целью ареста всех их в море.

С прибытием англичан положение более осложнилось. Нужно было найти выход. О нашем дальнейшем поведении говорилось на всех заседаниях Комитета, собраниях конференции. 10 августа у нас состоялась партийная конференция, где был поставлен вопрос окончательно. Были предложены 2 резолюции: первая, считаясь с фактом переворота и прибытием англичан, после чего война перестала быть революционной и приобрела характер империалистический, требовала ухода из Баку советских войск; вторая, считая ошибкой первую отставку и самое отстранение от власти без всякого сопротивления, требовала оставаться, мобилизовать силы, использовать совершающийся уже в рабочих массах перелом и дождаться прибытия 2—3 тысяч готовых войск из Петровска, начать гражданскую войну, взять власть, и силами бакинского пролетариата организовать оборону.

Первая резолюция, требующая немедленного ухода, получила большинство (22 голоса против 8). На ту же точку зрения стало организованное бюро левых партий, в составе коммунистов, левых эс-эров и левых дашнаков. Требование подготовки к гражданской войне бюро назвало сумасбродным. Дальше наша деятельность была направлена к организации ухода. Были приняты меры привлечения на свою сторону нескольких военных пароходов, в результате чего судовые команды «Карса», «Ардагана» и «Авиатика» заявили, что они подчиняются только Петрову. Была напечатана и широко распространена декларация об уходе, с выражением надежды, что с новыми силами из Петровска и Астрахани мы вновь вернемся в Баку (это было мнение тов. Шаумяна). Местная власть (Диктатура Центрокаспия и временный президиум Исполн. Ком.) согласилась пропустить наших, если только оставят в Баку все лишнее снаряжение. Петров на это дал письменное согласие, но остальные товарищи, особенно тов. Шаумян, считали недопустимым десяток броневиков, десятки орудий, патроны и все многомиллионное и военное богатство сдать в руки англичан и их союзников соглашателей. Вследствие этого были оставлены только две баржи со снарядами.

Нужно указать также, что никто из активных работников партии и членов Комитета, несмотря ни на какие настояния некоторых товарищей, не согласились остаться в Баку и продолжать партийную работу. Остались только несколько невидных рабочих, не состоящих членами Комитета, и я, член Комитета. Остальные все сели на пароходы и уехали 14 августа с отрядом Петрова. За ними Центрокаспий послал судна в погоню, а судна «Ардаган» и «Карс» не только не защищали наших, но и сами пустились в погоню. Часть пароходов была задержана 15-го числа, а остальные все сами задержались около острова Жилого, вследствие сильного норда. Военные суда (главным образом, «Астрабад» и «Геок-Тепе») предложили сдаться, а потом, когда наши долго отказывались выкинуть белый флаг, открыли орудийный огонь по нашим пароходам, главным образом, по «Ивану Колесникову», на котором находились все наши лидеры, куда попало несколько снарядов, были убитые и раненые, после чего московский отряд, находившийся на этом пароходе, против воли бакинцев, выкинул белый флаг. После сдались все пароходы, которые по одному прибывали к берегу и разоружались. Были арестованы все передовые товарищи и заключены в Центральную тюрьму, больше 35 человек. Все остальные разоружены, задержаны на пароходах и, по словам представителей власти, должны быть отправлены в Астрахань.

*) Это письмо было отобрано чрезвычайной комиссией Диктатуры у одного членов БК РКП в то время, когда и Алеша сидели на Баилове. Опубликовано в «Бюллетенях Диктатуры».

К приглашению англичан.

Резолюция предложенная от имени фракции б-ков Степаном на чрезвычайном заседании Бак. Совета 25-го июля.

«Бакинский Совет Рабочих, Красноармейских, Матросских и Крестьянских Депутатов с участием районных Советов депутатов, Центрокаспия, Военно-Революционного Комитета Кавказской Красной армии, судовых и ротных комитетов, на заседании от 25 июля, заслушав доклад делегатов, ездивших на фронт, и обсудив военное положение г. Баку, постановляет:

1) Поручить Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров принять немедленно все меры, чтобы вернувшиеся с фронта уставшие воинские части отдохнули, оправились, вновь сорганизовались и стали боеспособными единицами.

2) Собрать всех обученных, бывших в строю воинов, которых имеется несколько тысяч в Баку, под видом еще немобилизованных или дезертиров и создать из них новые боевые части.

3) Об'явить новую мобилизацию за 10 лет и поручить Совету Народных Комиссаров принять самые энергичные меры, чтобы провести эту мобилизацию быстро и полно, не останавливаясь перед самыми строгими репрессиями против уклоняющихся.

4) Обратиться к революционной России с призывом прийти на помощь скорейшей присылкой войск для усиления обороны г. Баку.

5) Что касается агитации за приглашение англичан, Совет заявляет:

а) Принимая во внимание, что появление английских войск на территории Баку будет означать оккупацию этого города английским империализмом и город Баку будет потерян для России;

б) принимая во внимание, что эта агитация разрушает внутренний революционный фронт, вносит разлад и деморализацию в армию и мешает самодеятельности пролетариата, мешает созданию необходимых новых частей, без которых и с англичанами и без англичан мы погубим наше дело обороны;

в) принимая во внимание определенное решение против приглашения каких бы то ни было империалистов на российскую территорию, которое принято 5-м Всероссийским С'ездом Советов, а также определенное заявление Центрального правительства, не допускающего приглашения англичан в Баку—Бакинский Совет постановляет отстаивать Баку своими революционными силами и силами революционной России и положить конец всякой растлевающей и дезорганизующей агитации за приглашение англичан.

Правые эс-эры внесли резолюции за приглашение англичан. Меньшевики и дашнаки и к ним присоединились.

Голосование дало следующие результаты.

За резолюцию т. Шаумяна—236.

За резолюцию правых эс-эров—259.

Таким образом ничтожным большинством в 23 голоса было решено приглашение англичан.

Показания А. Тер-Карапетяна*).

(Секретарь исполкома 1918 года).

2. После ареста видных большевиков, оставшиеся на воле товарищи Микоян, Довлатов, Стуруа и др. стали хлопотать об их освобождении. В процессе переговоров Стуруа предлагал Диктатуре (переговоры со стороны Диктатуры вел Садовский—меньшевик) отказаться от помощи англичан, взамен чего получат большую помощь войсками (4.000 красноармейцев) из Астрахани. Некоторые члены Диктатуры колебались, но все же сходились в одном: держать в строгой тайне предложение Стуруа, дабы рабочие этого не знали. В результате переговоров большинством голосов Центрокаспийцев (сплошь состоявших из эс-эров) предложение Стуруа было отвергнуто; постановлено большевиков не освобождать, а предать их суду. Не гнушались высказать даже мнение, что их лучшими судьями были бы турки.

3. И действительно, только в самый последний момент перед самым приходом турок, удалось склонить Велунца подписать бумагу о выводе из тюрьмы большевиков. Ермаков (эс-эр, член Диктатуры, начальник опер. части) ни за что не хотел подписать эту бумагу.

4. Помню канун 5-го августа.

Совместное с представителями англичан заседание Диктатуры. Англичане жаловались на малочисленность войск, на их плохую подготовленность и т. д. и выражали уверенность, что такими силами города не защитить.

Садовский (меньшевик) ставит англичанам прямо вопрос, где ваша реальная помощь войсками, которую вы обещали нашим делегатам. А делегаты (Велунц Абрам и Тер-Оганян) тут же сидели. Представитель англичан (ад'ютант ген. Денстервиля) ответил, что «никогда, нигде и никому такой помощи мы не обещали, и было бы даже смешно думать, что мы могли бы из Месопотамии бросить сюда войска». Делегаты молчали. Они не могли ничего сказать в свое оправдание. Несмотря на дальнейшие упорные вопросы Садовского, нельзя было выяснить, на каком основании эти делегаты обманывали рабочих и красноармейцев, морочили их, торжественно заявляя всем на заседании Сов. раб., красноарм. и матр. депутатов, что англичане обещали и перебросят сюда массу войск. После заседания на мой вопрос Велунцу, чем об'ясняется такое преступное с его стороны отношение, был ответ: «Я полагал, что Англия настолько дорожит своим авторитетом мировой державы, что раз вступивши в Баку, больше ни за что не уйдет отсюда, да еще с таким позором».

5. Может быть не смогу привести сейчас фактов, но отлично сохранилось у меня одно впечатление, что безусловно, эс-эры имели самую тесную связь с Бичераховым, а через него, конечно, и с англичанами, что Бичерахов безусловно в них находил для себя сильную поддержку.

6. На междупартийном совещании, состоявшемся приблизительно в феврале или марте месяце, эс-эры принимали деятельное участие в выработке военного плана физического подавления большевиков в Баку.

7. В 1918 г. во время осады Баку турками эс-эры своей агитацией всячески деморализовали фронт, дабы ценою временных неудач и даже жертв добиться падения большевиков.

8. Эс-эры вели тайные переговоры с Бичераховым, плавающим в золоте англичан, а через него и с последними, в результате чего измена Бичерахова, неудачи на фронте и настроение в рабочих массах за приглашение англичан.

9. Дабы создать соответствующее настроение, эс-эры надували рабочих, ложно утверждая, что англичане дадут в помощь Баку большие военные силы. Это, однако, было категорически отвергнуто представителями англичан на заседании Диктатуры Центрокаспия и Исполкома, накануне 5-го августа, в присутствии ведших с англичанами переговоры эс-эров.

10. Эс-эры могли бы спасти и арестованных большевиков и гор. Баку, вместе с тем и нефть для утопающей в темноте России, согласившись на предложение оставшихся на воле большевиков: отказаться от англичан, получив реальную помощь из Астрахани.

Но они это предложение отвергли.

Бывший секретарь Исполкома Сов. раб., кр. и матр. депутатов 18-го года

*) Отмечаем, что эти показания всей своей тяжестью обрушиваются исключительно только на эс-эров, не затрагивая м-ков и дашнаков.

Обвинительный акт.

(Постановление чрезвычайной следственной комиссии Временной Диктатуры Центрокаспия 7-го сентября 1918 г.).

(Часть заключительная).

Чрезвычайная комиссия постановила привлечь бывших комиссаров: Шаумяна, Корганова, Джапаридзе, Костандян, Ионесянца, Амирова, Полухина, Тер-Саакяна, Нуриджанянна и Петрова к ответственности, пред'явив:

1) Шаумяну, Корганову, Джапаридзе и Костандяну обвинение в том, что они, занимая ответственные должности, не предприняли никаких мер к созданию армии, защиты города, последствием чего было поражение Красной армии.

2) В том, что они, не использовав всех средств защиты, покинули город.

3) В том, что они 31 июля в минуту смертельной опасности, когда германо-турецкие войска подошли к городу, не выполнили своих обязанностей и не сдав дел и отчета, оставив бакинский пролетариат на произвол судьбы, выехали из города Баку.

4) В том, что они совместно с военным комиссаром Петровым захватили с собою оружие, броневики, пулеметы, снаряды, патроны, продовольствие, присланные из центра для защиты города и тем лишили бакинский пролетариат средств защиты.

5) В том, что они, совместно с Петровым, Полухиным, Тер-Саакяном, Нуриджановым, Осепянцем, Иоанесянцем, Амировым призывали население к выступлению для ниспровержения существующей власти.

6) В том, что они, бывшие комиссары, совместно с Петровым, подготовляли средства для насильного изменения образа правления.

7) В том, что они умышленно не исполнили письменного обязательства, данного Петровым о сдаче пролетариату оружия.

8) В том, что они ночью, 13 августа, тайно, с целью уехать в Астрахань, покинули город, захватив с собою все военно технические средства, принадлежащие бакинскому пролетариату.

9) В том, что они умышленно, с целью уничтожения, бросали в море оружие, патроны, снаряды и проч.

10) В том, что они не исполнили приказа вр. диктатуры Центрокаспия, возвратиться в гор. Баку.

Председатель **М. Васин.**

Военно-полевому суду

«Бюллетени» от 11 сентября 1918 года сообщают, что ЧСК препроводила дело б. комиссаров военно-следственной комиссии, которая постановила: 1) В первых числах августа с. г. Петров, Корганов и Шаумян... захватили силою в г. Баку... пароход «Иван Колесников» с бывшими на нем военным снаряжением и грузами, заставили капитана парохода сняться и итти в Астрахань, 2) что этими действиями указанные лица умышленно ослабили оборону гор. Баку, 3) что деяния эти предусмотрены 243 и 270 ст. Воен. Уст. о нак., **что преступление это подсудно военному суду, —постановила приступить к производству предварительного следствия.**

В этом же номере «Бюллетней» об'явлено и введено в силу «Положение о военно-полевых судах».

А судьи кто?

Следствие по делу бакинского Совнаркома (т. е. т.т. Степана, Алеши, Корганова, Фиолетова и др.) было передано диктатурой Центрокаспия следователю Жукову, бывшему жандарму и прислужнику царского правительства.

Т. Георгий Стуруа по поводу этого следствия заявил диктатуре Центрокаспия следующее:

«Вы судите не Шаумяна и Джапаридзе, а ту часть пролетариата, которая прислала их в Совет. Что касается их преступности, то вся их деятельность у вас перед глазами и вы можете судить их без всякого суда и следствия. Незачем создавать чрезвычайную комиссию, **куда не входит ни один представитель пролетариата.** Это не народный суд, а суд тех, кто занимался в николаевское время этим же делом».

В Красноводске.

(Из показаний пристава Алания).

17 сентября, утром, к берегу Красноводска прибыл пароход «Туркмен» и к нему на встречу на баркасе «Бугас» выехали члены стачечного комитета. Вернувшись оттуда, они сообщили, что пароход прибыл в Баку, с большевистскими комиссарами.

По распоряжению комитета пароход «Туркмен», к берегу не был допущен и остался на рейде, а по всему берегу были выставлены караулы от туркменской сотни.

На следующее утро, по распоряжению командующего войсками г. Красноводска английского полковника Батина и тов. председателя стачечного комитета Кондакова пароход «Туркмен», под видом осмотра больных, был отправлен в карантин, куда была направлена сотня английских солдат с пулеметами и орудиями, туркменская сотня, а также весь состав стачечного комитета, и баркасом «Бугас»—полковник Батин, я—начальник милиции—с двумя милиционерами.

Когда прибыли все на карантин, зам. председателя стачечного комитета Кондаков громко крикнул находящимся на пароходе «Туркмен», чтобы те сдали оружие.

На это Татевос Амиров ответил отказом (заявив, что он везет арестованных комиссаров по распоряжению Бичерахова, в Петровск, а в Красноводск заехал только в виду нехватки топлива).

Несмотря на все его заявления пароход «Туркмен» был разоружен. Разоружение происходило следующим образом: орудия и пулеметы были направлены в сторону парохода, и каждого выходящего обезоруживали члены стачечного комитета по указанию Лалаева, прибывшего вместе с бакинскими комиссарами. Затем, по указанию того же Лалаева были арестованы 36 бакинских советских работников.

Все арестованные, по распоряжению стачечного комитета, были доставлены в Красноводск, под конвоем туркменской сотни. Часть арестованных была помещена в арестный дом, при городской милиции, а остальные в тюрьму.

Степан Шаумян, с двумя сыновьями, Джапаридзе с женой, Самсон Канделаки, Микоян, Амиров с женой, Туманянц, по личной просьбе были помещены в арестный дом.

Спустя 2 дня, в ночь на 19 по распоряжению стачечного комитета из арестного дома и из тюрьмы были отобраны 26 бакинских советских работников, переданы в распоряжение председателя асхабадского исполкома и председателя исполкома Кизил-Арват—Егорова и особым поездом, в сопровождении специально подобранного конвоя (в числе которого были Фунтиков, Седых, братья Петровичи, Седов и др.), были отправлены в сторону Асхабада. В арестном доме в Красноводске остались: сыновья Шаумяна, жена Джапаридзе, Варвара Джапаридзе, жена Амирова, Микоян, Канделаки, Самсон Туманянц и другие. У этих оставшихся, по распоряжению (заведывающего) особым отделом Яковлева — нотариуса гор. Красноводска, часто производились обыски, причем найденные письма, бумаги и деньги были отобраны. *)

*) Оценивая показания Алания, следует иметь в виду, что он давал их Ревтрибуналу, к которому привлекался по обвинению в убийстве 26-ти, следовательно, всячески отводил от себя обвинение.

По приговору Ревтрибунала Алания расстрелян.

Единая власть.

Выписка из приказа Вр. Диктатуры Центрального Комитета Каспийской Флотилии.

10-го августа 1918 г.

№ 1. Предлагается коменданту города довести до сведения всего населения, армии, военного и торгового флота, что впредь до созыва Совета Рабочих, Красноармейских и Матросских Депутатов единственной властью города Баку и его районов является Диктатура Центрокаспия и Президиума Вр. Исполнительного Комитета.

Все приказы и распоряжения исходят **от Диктатуры Центрокаспия и Президиума Вр. Исполнительного Комитета** и уполномоченных ими на то лиц и учреждений а посему неисполняющие эти приказы будут рассматриваться, как лица, стремящиеся подорвать авторитет власти, и с ними будет поступлено по всей строгости законов военного времени.

Приказ бывшим народным комиссарам.

Бывший совет народных комиссаров, сложив свои полномочия, не позаботился сдать все дела и отдать отчет новой, хотя и временной, власти в своих действиях и расходованиях народных денег.

Вследствие этого Диктатура Центрокаспия и президиума временного исполнительного комитета предлагает народным комиссарам сдать в кратчайший срок отчет по управлению краем и расходованию народных денег Диктатуре, как выразителю воли пролетариата, армии и флота, для доклада Совету Р., С. и М. Депутатов.

Диктатура Центрокаспия: Бушев, Ермаков, Лемлейн, Печенкин, Тюшков.

И президиума временного исполнительного комитета: Аракелян, Велунц, Садовский.

Кто убит.

Степан Шаумян—член Цент. Бюр. Рос. Ком. Партии, Чрезвычайный Комиссар Кавказа, Председатель Бакинского Совнаркома и Комиссар Иностр. Дел.

Алеша Джапаридзе—Председатель Бакинского Совдепа, Комиссар Внутр. Дел и Продовольствия, член Кавказского Кр. Комитета Ком. Партии.

Григорий Корганов—Председатель Революционного Совета Кавк. армии, Военный комиссар Бак. Совнаркома, Главнокомандующий Кавк. Красной армии, коммунист.

Петров—Представитель Центр. власти в Баку, командир Московского отряда. Левый с.-р.

Арсен Амирян—Редактор газ. «Бакинский Рабочий».

Ваня Фиолетов—Председатель Бакинского Совета Нар. Хозяйства, член Кавк. Кр. комитета Ком. Партии.

Мешади Азизбеков—Губернский Комиссар, коммунист.

Павел Зевин—Комиссар Труда, коммунист.

Везиров—Комиссар Земледелия, левый с.-р.

Сурен Осепянц—редактор «Изв. Бак. Совета», коммунист.

Иван Малыгин—Член Военного Совета, коммунист.

Басин—Советск. рабочник, коммунист.

Б. Авакян—Комендант гор. Баку, коммунист.

Солкцев — Советский работник, коммунист.

Констандян—товарищ Комиссара Продовольствия, коммунист.

Арменак Борян—Советский работник, коммунист.

Метакса—Советский работник, коммунист.

Николашвили—Совет. работник, коммунист.

А. Богданов—Советский работник, коммунист.

С. Богданов—Советский работник, коммунист.

Павлухин—Советский работник, матрос, коммунист.

Берг—Советский работник, матрос, коммунист.

М. Коганов—Советский работник, коммунист.

Габышев—Бригадный комиссар, коммунист..

Татевос Амирян—Командир Советского кавалерийского отряда.

Мишне—Советский работник.

Приказ об аресте*).

Постановление Вр. Диктатуры Центрокаспия и президиума вр. исполн. комитета от 19-го августа 1918 года. По вопросу об отряде Петрова.

«Предложить чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией принять немедленные меры к изоляции лиц из отряда Петрова, которых она найдет необходимым, остальных-же отправить в Астрахань. Поручить т. Ермакову совместо с чрезвычайн. комиссией оставить в г. Баку лиц, из'явивших желание. Принять предложение 1-й батареи отряда Петрова, выразившей желание участвовать в защите фронта».

Секретарь Вр. Диктатуры Центрокаспия и исполкома (подпись).

„Георгиевские кавалеры“.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 324.

Главнокомандующего войсками и флотом Кавказа.

14 декабря 1918 года.

§ 1. В то время, когда все фронты Великой Российской армии против внешнего врага перестали существовать, когда ей и стране был навязан позорный Брестский мир, здесь на Кавказе доблестные сыны России, верные своему долгу перед родиной и союзническим обязательствам, один, до конца, плечом к плечу с братьями по оружию—нашими союзниками—защищали российскую территорию от турко-немцев.

За оказанные боевые отличия, за проявленное беспримерное мужество и доблесть, стойкость и храбрость, как единственный по преемству представитель здесь на Кавказе Российских военных властей, нижепоименованных чинов армии и флота Кавказа произвожу и награждаю (идет перечисление лиц и в числе их):

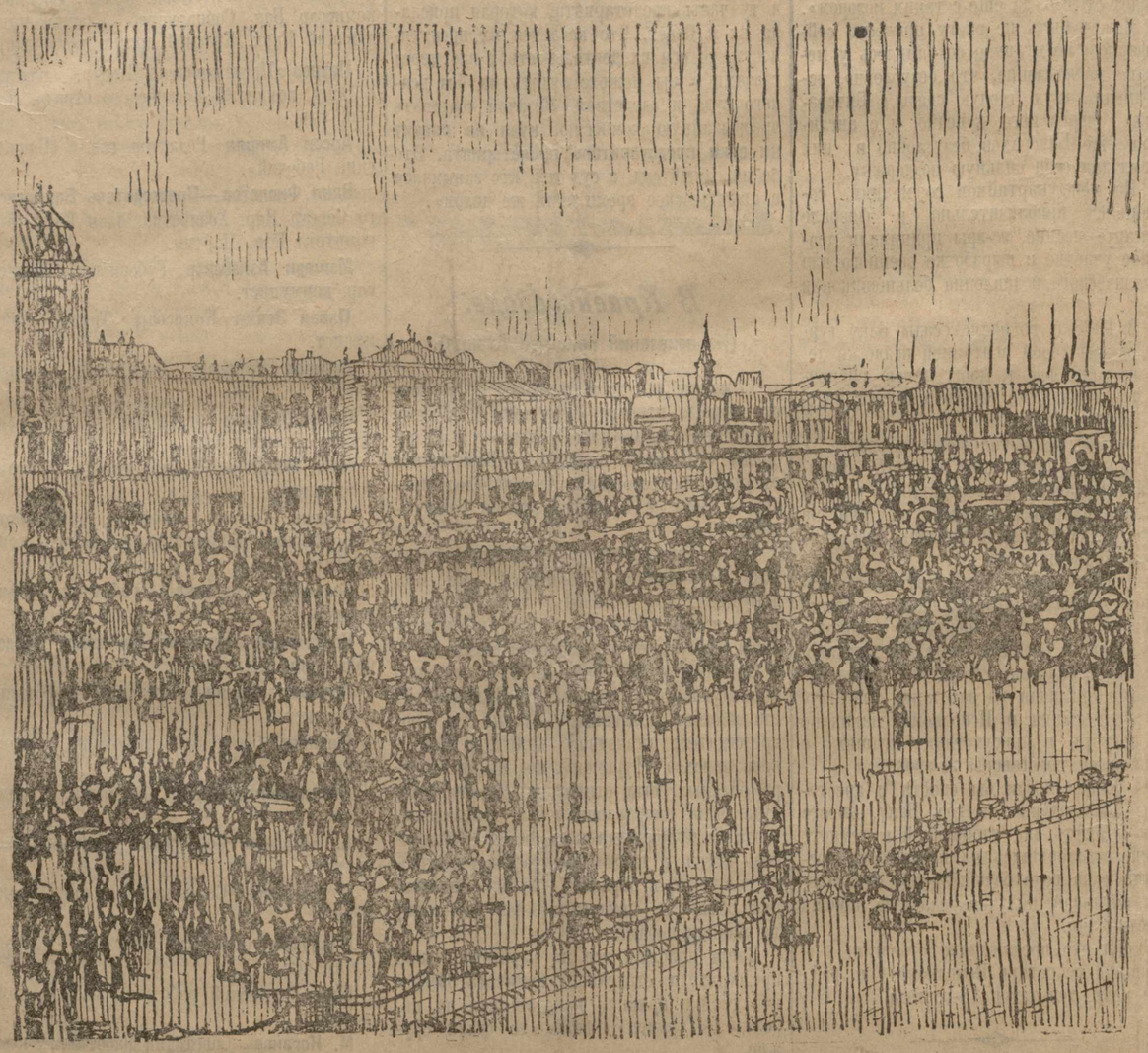
Орденом св. Станислава 2-й степени награждается персидский генеральный консул гор. Баку Мирза Мамед-хан Саид-уль-Визар.

Граждане города Баку, принимавшие деятельное участие в обороне города. Георгиевским крестом 4-ой степени: Подшибякин Михаил, Леонтович Александр, Британский консул Баку Гевельке Теодор, Садовский Михаил, Уманский Лев, Велунц, Мелик-Елчянц.

*) Список товарищей, подлежащих аресту, был прислан из Диктатуры.

Похороны 26 в Баку.

(8-е сентября 1920 г.).



НАЧАЛО ПОХОРОННОЙ ПРОЦЕССИИ.

НАКАНУНЕ.

То особенное, торжественно траурное, сосредоточенно-молчаливое настроение, которое проникает в глубину души, когда стоишь у могилы дорогого товарища, охватило бакинский пролетариат еще накануне траурного дня.

На площади Свободы стучали молотки и звенели лопаты. В городе намечали порядок похорон.

Из Закаспия уже привезли останки 26.

Пролетариат никогда не плачет. Слезы —это бессилие. Пролетариат переживает свою печаль молча.

И молча он готовился к похоронам своих лучших товарищей, к страшной кровавой правде, которую ему предстояло выслушать, к клятве о мести, которую он дал над могилой ушедших,—к своему первому траурному дню.

ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ.

У бакинского пролетариата это был первый траурный день.

Ведь это они два года тому назад указывали бакинским рабочим их настоящий путь!

Они отдали свои жизни за тот железный путь, по которому пытались направить твердые стопы бакинского пролетариата.

Они!

И если часть рабочих за ними тогда не пошла, если славный путь их завершился кровавым финалом, если враги в трусливой злобе своей учинили над ними зверскую расправу,—тем сильнее, тем ярче теперь, у печальной могилы, чувствовалась та великая правда, к которой они звали и во имя которой они отдали свои жизни.

Бакинский пролетариат это чувствовал и день похорон стал для него днем траура.

УТРОМ.

Яркий осенний день.

Уже с 9 часов утра центральная часть города была переполнена народом.

На всех улицах, на площадях, на крышах, — всюду стояли тысячные толпы.

Партийные и професиональные организации и служащие советских учреждений стройными колоннами двигались к Петровской площади, где у одной из пристаней остановился пароход с останками 26 коммунаров.

Орудийные выстрелы возвещали о начале похорон товарищей. Медленно двинулась процессия к Азревкому и Центральному Комитету партии, откуда, под звуки траурного марша, она направилась к месту погребения — площади Свободы.

ШЕСТВИЕ.

Шествие похоронной процессии представляло грандиозное зрелище. Партийные товарищи и члены рабочих организаций, чередуясь друг с другом, несли останки наших лучших, испытанных в революцных боях, товарищей.

Впереди гроб тов. Шаумяна, с портретами его и товарищей, гроб Джапаридзе, Зевина, Азизбекова и Фиолетова. Далее гробы остальных 21 товарищей, некоторые из них украшены живыми цветами. За ними шла длинная вереница участников процессии, с развевающимися красными и черными знаменами.

НА ПЛОЩАДИ СВОБОДЫ.

В 1½ час дня процессия медленно стала приближаться к площади Свободы, где у фонтана был устроен склеп, в котором нашли последнее успокоение вожди бакинского пролетариата.

Процессия была встречена у могилы звуками похоронного марша.

Начались речи.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. НАРИМАНОВА.

Первым говорил тов. Н. Нариманов. «Сейчас мы предаем земле советского Азербайджана, наших лучших, дорогих товарищей, доблестно стоявших до последнего момента на своих революционных постах. Эти стойкие честные герои пали от руки Англии, той Англии, которая всегда говорит о своей человечности перед Востоком.

Пусть Восток знает о ней. Но знайте, что приближается час возмездия. Вчера Восток на с'езде дал клятву об'единенными силами свалить этих мировых разбойников. И в скором времени проснется седой Восток и с своих плеч легко сбросит этот гнет.

Спите дорогие товарищи; идея, за которую вы боролись, воссияет ярко по всей земле».

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА.

Товарищи, легко умирать революционеру, когда он идет во главе рабочих масс, когда он дышет одной грудью с ними, когда он знает, что за ним идут массы, из которых он вышел. На долю товарищей, которых мы сейчас хороним, выпала тяжкая участь. От них отвернулась часть пролетариата, в самый тяжелый момент их жизни. Они одни остались и пали на своем посту. Знаете, чудится мне раскаяние тех, кто не поддержал их тогда. Теперь только после двух лет ужасной гражданской войны вы узнали, кем были для вас товарищи Шаумян, Джапаридзе и др.

Товарищи, такие вожди, как Шаумян и Джапаридзе, не могут умереть, они бессмертны, потому что они всегда знали одну мысль — служение рабочему классу. Товарищи бакинские рабочие, обнажим головы перед могилами тех, память которых чтит весь российский пролетариат. Окружим лаской всех близких им.

Вечная память нашим товарищам, павшим за освобождение трудящихся всего мира.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. РАДЕКА.

Хоронит 26 бакинских коммунаров вся рабоче-крестьянская Россия. Они пали не только во имя интересов русского пролетариата, но за интересы пролетариата всего мира.

Товарищи, есть посты, которые солдат никогда не отдает, которые он защищает до конца. Таким постом был гор. Баку. Он нужен был нам, но нужен был также мировому хищнику Англии, для того, чтобы окончательно придушить русскую революцию. Это знали наши погибшие товарищи — они защищали Баку до последнего конца. Эти 26 могил, у которых мы сейчас стоим, должны быть уроком для нас.

Не может быть пощады врагам рабочих, также, как не знали пощады англичане к нашим вождям.

Вы здесь, рабочие, моряки, солдаты и крестьяне, помните, что враг еще не окончательно сломлен. Будьте на чеку и не знайте в бою жалости и милости. Не смотрите на жен и детей, а смотрите на свое будущее. Бросьте все колебания и помните, что сотни товарищей погибли в борьбе за свое освобождение.

Шаумян, Джапаридзе и 24 товарища,— их нет между нами, но дело их мы должны довести до конца.

Пусть этот день станет клятвой в том, что мы не сложим оружия, пока за нами не будет победы!

УРОКИ ПРОШЛОГО.

Далее говорил на мусульманском языке тов. Караев и от лица закаспийских товарищей говорил товарищ, приехавший с останками.

Выступивший затем тов. Егоров напомнил бакинским рабочим тот час, когда они отвернулись от своих вождей и призвали англичан. Власть англичан, турок и, наконец, мусавата многому научила бакинских рабочих и теперь,—говорит оратор,—перед прахом дорогих товарищей мы можем сказать, что с честью закончим дело, за которое они сложили свои головы.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ.

В 3 часа дня, при салюте орудий и под звуки гимна «Слава борцам», гробы с останками погибших героев стали опускать в могилу. Последние воинские почести отдали перед могилой почетный караул моряков и полк имени «26».

Тут же, перед раскрытой могилой военком полка от имени солдат обещал с честью поддержать честь знамени, на котором написано «26».

На могилу было возложено множество венков от воинских частей, комиссариатов и партийных организаций.

Marche funèbre.

Нет слез у нас... Мы не умеем плакать
И наша скорбь безгласна и груба...
Полотнища окровавленных флагов
Бросаем мы на гордые гроба.

Познали молча смерти злую боль вы.
Да будет нем над вами наш глагол:
Безмолвно каждым стиснется револьвер,
Или винтовки закоптелый ствол.

Перед гробницей не склоним колени:
Шагов железных звонче будет шарк!
С хоругвей алых зорко глянет Ленин
И сдвинет скорбно брови мудрый Маркс.

И голосами острыми, как сверла,
В пустую высь победно провизжа,
Расскажут всем гудков фабричных горла,
Что прочтена заветная скрижаль.

Что жизнь давно больна святым безумьем,
Что мир-дряхлец уж мечется в огне,
Что счастлив тот, кто горделиво умер,
Живым в наследье завещая гнев!

Не надо слез! Не станет горе горше!
Ведь вскормлен кровью прахов дорогих
Гнездо свивает краснокрылый коршун
У неоплаканных могил!

Михаил Д'Аннов

Сентябрь 1922 г.
Баку.

У МОГИЛЫ.

Мертвые повелевают.

Они были среди нас, когда мы мечтали о том, что сейчас стало сбылью.

И когда нам не верилось в дерзкие ски о всечеловеческом счастьи они говорили нам:

— Так будет!

И в душах росла и крепла огненная в то, что казалось еще так недостижимым, сбыточным.

Мощные духом, с сердцами, не знающими страха, с глазами, видевшими грядущего, они звали нас за собой.

Темные, могучие силы грозно обступили нас, заслоняя ясный лик счастья человечества.

И когда мы колебались, они звали бестрепетными голосами бросали жгучие клич:

— На борьбу! В святой и правый бой!

И железною, не сокрушимою силою звучали их слова:

— Мы победим! Вперед!

И раскалялись гневом сердца, крепче сжимались стволы винтовок, острее взгляды, каменели руки, пружинились ноги...

Мы шли... вперед...

Оборванные, голодные, обмерзшие, немогшие в неравной схватке, мы бодро в чаду битвы слыша бодрые, голоса...

Мы бились...

Они были всегда впереди...

И когда нас одолевал враг, первые падались в его лапы.

Их сажали за решетку, как побитых орлов...

Но и из-за ржавых решеток тяжелых ремных клеток раздавались их голоса.

— Вперед! В бой! Мы победим!

И мы снова бросались в битву, обольщенные призывами из-за железных прутьев.

Остервенело бились, напрягая последние силы, сгущая всю волю...

И тогда враг пугался голосов из-за решеток.

Черной ночью он врывался в [illegible] хватал гордых, огнеглазых людей и [illegible] их...

И в минуту, когда перед их [illegible] ощеривался страшный оскал смерти, они бросали нам свое последнее:

— Вперед! Смелее! Мы победим!..

Их нет с нами сейчас.

Но их призывы, их заветы не пропали даром.

Они выжжены в наших сердцах.

И немые зовы из могил так [illegible] и могучи, как и живые голоса.

Мертвые повелевают!

Мы вознесли алое знамя труда на [illegible] вертью земного шара.

Но остаются еще три четверти [illegible] из могил зовут:

— Вперед! В последний бой! [illegible] дим всегда и везде!

Слышите этот призыв погибших [illegible] дей?! Он громчает с каждым днем.

Мертвые повелевают!

МОГИЛА «26» НА ПЛОЩАДИ СВОБОДЫ.

26.

Их повели в пустую степь...
Зачем? Все знали... Шаг был ровен...
Задумчиво песок хрустел,
Еще не окропленный кровью...

О, если-б говорил песок,
Один лишь он нам рассказал бы
Про кровь, упавшую росой,
Про гордый крик и скрежет залпа!

К чему слова? Не надо слов!
Клеймом проклятия злодеям
Повсюду страшное число
Пусть рдеет!

Для нас же, чьи заветы—месть,
Чей гнев плодом багряным вызрел
Число немое «двадцать шесть»
Любимый, многоликий призрак!

Ответственные редакторы: П. Чит[illegible]
Мих. Ли[illegible]

Р. В. П., Баку. Гостипография № 4. 15,000 экз.